

МЕРА ХАОСА

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

Игры начал

Дмитрий Казаков

Мера хаоса

«Автор»

2005

Казаков Д. Л.

Мера хаоса / Д. Л. Казаков — «Автор», 2005 — (Игры начал)

Это мир давней и безнадежной войны с Хаосом, мир, где маги играют бесконечные игры чужими жизнями, кровь льется потоками, а выжить еще труднее, чем сохранить в себе доброту и благородство. Хорст Вихор, бродячий мастерской, попав в безвыходную ситуацию, становится фигурой в руках могущественного колдуна. Безжалостный хозяин ведет игру, не обращая внимания на то, что его фишка может испытывать боль, страх и отвращение к тому, что ей приходится делать. В непрерывных странствиях Хорст попадает туда, где до него не был никто из людей, оказывается в странных и опасных ситуациях, он вынужден научиться сражаться и убивать. Пытаясь освободиться от зависимости, он ищет помощи у других магов и даже у Хаоса. Но при этом не подозревает, куда именно заведет его стремление к свободе и кем именно он станет, обрета ее.

© Казаков Д. Л., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Примечания	5
Глава 1. Вестаронский маг.	6
Глава 2. Шут.	17
Глава 3. Дорога.	28
Глава 4. Горцы.	39
Глава 5. Сердце гор.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

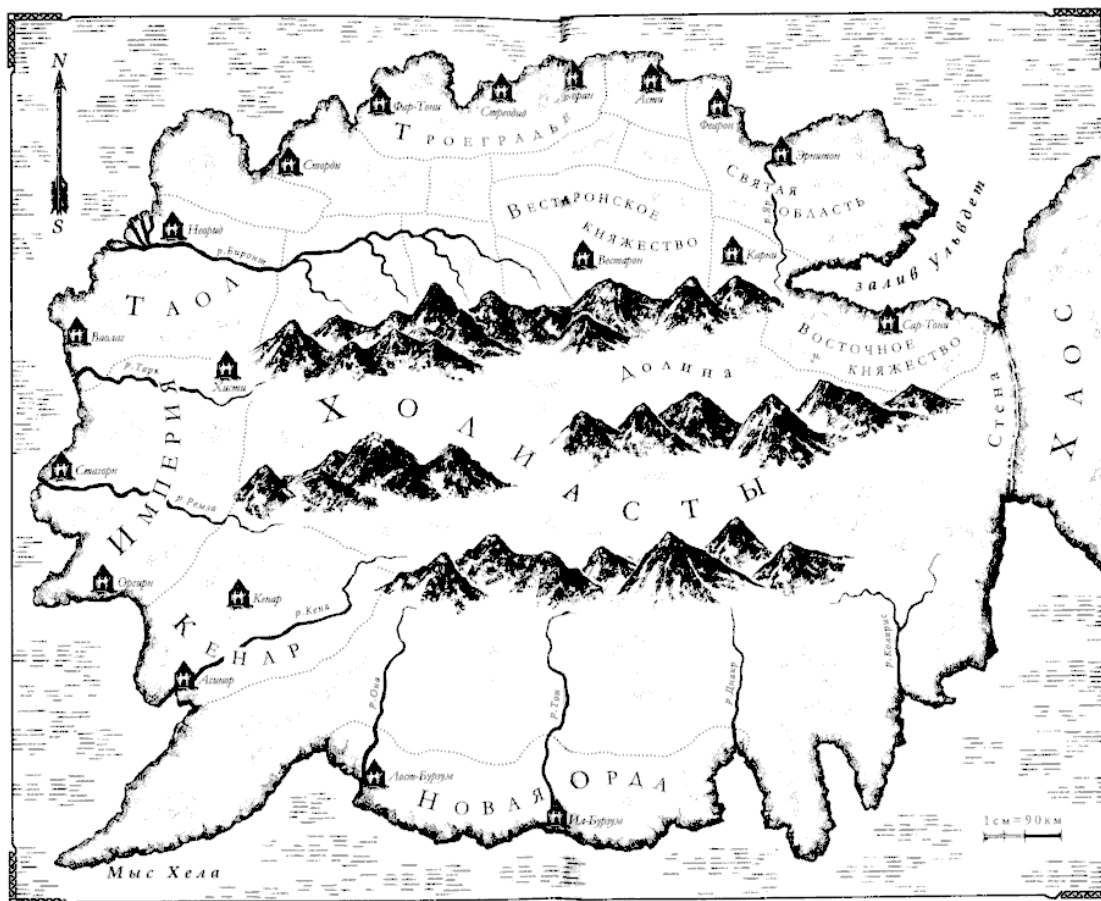
Дмитрий Казаков

Мера хаоса

Когда маг оплел тебя невидимой сетью и вертит тобой, как хочет, остается одно – сопротивляться. Хорст Вихор не более чем фигура в шахматной партии магов, но, похоже, он рассыпал им все фигуры. Свобода но за горами, однако впереди страшное испытание – Хаос.

Примечания

Некоторые сведения о мире Полуострова, необходимые при чтении книги:

Год состоит из 366 дней, поделенных на 12 месяцев, в нечетных – 31 день, в четных – 30. Начинается год по нашему календарю 1 марта. Месяцы по порядку: Талый, Мокрый, Зеленый, Цветущий, Растущий, Плодовый, Желтый, Голый, Мозглый, Холодный, Ледовый, Снежный.

В неделе шесть дней, по порядку: первенец, вторящий, третец, средница, предтеча, творение.

Меры длины: *размах* приблизительно равен 1,5 метра, *ход*– 5 километрам.

Мера веса: *тяга* – 3 килограмма.

Мера объема: *мера* – 2 литра.

Глава 1. Вестаронский маг.

– Стой, падаль! – Крик хлестнул не хуже кнута. Хорст вздрогнул и обернулся. Тянувшаяся между темными елями дорога, только что бывшая совсем пустой, заполнилась несущимися во весь опор всадниками в плащах из серого волчьего меха.

«Серая сотня! – мелькнула сдобренная испугом мысль, – Не уйти!»

Топот копыт стремительно надвинулся, пространство вокруг загородили лошадиные тела. Под серыми плащами блестели кольчуги. Хорст ощутил сильный запах конского пота.

Двое воинов прыгнули на землю. Хорст дернулся было, но чьи-то сильные руки схватили за плечи, рванули. Что-то ударило в лицо, и он вдруг сообразил, что лежит, уткнувшись в жидкую грязь.

– Чей будешь? – прозвучал откуда-то из вышины голос, в котором звенела надменная злоба. – Говори, тварь!

– Ничей, – прохрипел Хорст, вывернув голову так, что заболела шея. – Ничей...

– Не ври мне! – От удара хрустнули ребра. Хорст на мгновение задохнулся от боли, а потом закашлялся. – Рвите ему рукав, глянem на тавро...

Всякий простолюдин Вестаронского княжества носил на правом предплечье знак, указывающий на благородного владельца говорящей собственности.

– Сейчас – Затрещала ткань, и Хорст ощутил, как держащие его руки на мгновение дрогнули. – Ничего!

– Как ничего?... А ну поставьте его на ноги!

Последовал рывок, и Хорст выпрямился во весь рост.

Прямо на него смотрел невысокий, но очень широкоплечий воин. В черных волосах виднелась седина, а на смуглом лице, словно отдыхающие черви, разлеглись шрамы.

– Ты кто такой? Откуда? – спросил черноволосый подозрительно. – Куда путь держишь?

– Бродячий мастерской, из Линорана, – ответил Хорст, стараясь не морщиться от боли в ушибленном боку; большого труда стоило не всхлипнуть, – в Вестарон иду, во имя Владыки-Порядка...

– Северянин? – удивился черноволосый, явно предводитель.

Хорст затравленно озирался. Воины Серой сотни глядели на него с любопытством, но жалости на их лицах не было. В охотники за людьми нанимались худшие из наемников, которым не нашлось места в дружине благородного редара или в купеческом обозе. Славились «серые» в первую очередь жадностью.

– Надо же, – сказал черноволосый после паузы, – что-то в дороге ты пообтрепался, парень. Больше на нищего похож, чем на мастерской!

Вокруг загоготали. Хорст мрачно подумал о том, что за полтора месяца непрерывных странствий пообтреплется кто угодно.

– Ладно, – решил предводитель, – обыщите его, возьмите все ценное, и уходим.

– Может, прирежем? – предложил кто-то.

– Зачем? – главный скривился. – Денег за это ты не получишь! Чего зря клинок марать?

– Нет! – Хорст дернулся, когда начали потрошить его мешок. – Это мое!

– Было, – пояснил один из «серых», умильно улынувшись, – должны же мы возместить то, что за тебя никто не заплатит?

– Ну что там? – нетерпеливо спросил предводитель.

– Пять гридей северной монетой и пять фарий, – буркнул тот, что обыскивал мешок, – больше ничего...

Сапожные инструменты, с помощью которых Хорст добыл эти самые деньги, небрежно швырнули на траву.

– Поехали! – Его сильно толкнули, так что он снова упал, ударился затылком. Послышался удаляющийся топот, а когда Хорст открыл глаза, то вокруг никого не было.

Бок болел, но ребра вроде остались целы, а синяк – дело обычное, за время обучения Хорста били столько, что он привык. Хуже было другое – «серые» забрали деньги. А без них, одной милостью Владыки-Порядка, долго не протянешь.

С кряхтением Хорст поднялся, собрал разбросанные вещи. Взгромоздил мешок на спину и зашагал дальше. Под сапогами хлюпали оставшиеся после вчерашнего дождя лужи, а по сторонам от дороги дружно пели птицы.

Им «серые» ничем не досадили.

Стены и башни Вестарона показались вскоре после полудня. Неправдоподобно огромные, сложенные из темного камня, они выглядели несокрушимыми, и, только подойдя ближе, Хорст заметил глубокие трещины, осыпавшиеся, небрежно заделанные проломы, сколы на зубцах – следы времени и давних осад.

У ворот, похожих на ущелье между двумя могучими утесами – башнями, расположились стражники. Рядом с древними стенами они выглядели суетливыми тараканами в старых кольчугах, на лицах под ржавыми шлемами читалась алчность.

– Так? Ты кто такой? – поинтересовался один из «тараканов», уставившись на Хорста с нехорошим прищуром.

– Мастеровой из Линорана.

– Ага! – обрадовался стражник. – Работать у нас будешь? Плати пошлину!

– А у меня нет ничего! – Хорст выразительно развел ладони.

– Что же ты, братец, в дорогу с пустыми руками пускаешься? – подоспел второй стражник, жирный, как супоросая свинья.

– Я с «серыми» повстречался, – объяснил Хорст, – сегодня с утра...

– О! – стражники погрустнели. – Выворачивай мешок, посмотрим, чего у тебя там...

Инструменты не заинтересовали доблестных воителей, так же как и старое одеяло и мешок с заплесневелыми сухарями.

– Ладно, ступай, – махнул рукой толстый стражник, – что с тебя взять! Видно, что не попрошайка, и ладно...

Не веря собственному счастью, Хорст завязал мешок и прошмыгнул в ворота. Он попал, попал в Вестарон! Если уж ему удавалось находить работу в глухих селениях Северного княжества, в затерянных среди лесов замках благородных, то здесь-то он не останется без куска хлеба!

Но пока в брюхе было пусто и кишки недовольно ворчали.

На улицах, где с трудом могли разъехаться две телеги, а по сточным канавам текла вонючая мутная жижа, толпился народ. Вышагивали купцы в плащах из бобрового меха, торопились разносчики, шныряли тощие обтрепанные типы с глазами, как у голодных крыс.

Хорст проследовал мимо таверны, откуда разносился запах жареного мяса, миновал улицу, занятую красильщиками. Тут царил омерзительный вонь, от которой чесалось в носу и слезились глаза.

Улица вывела на громадную, вымощенную камнем площадь. Одну ее сторону занимали стена и башни княжеского замка. А с другой, возвышаясь над соседними домами, как дуб над осинами, поднималось громадное кубическое здание.

Вестаронский Храм Порядка, построенный еще в те времена, когда город был столицей не просто княжества, а громадной Священной Империи. Самое большое святилище в северной части мира.

Хорст невольно осенил себя знаком Куба.

Изнутри доносились мягкий звон колокольчиков, сильные голоса служителей. Возникло желание зайти, послушать молебен, но Хорст отогнал его. Тому, кто входит в храм, положено жертвовать, а у него не осталось ни единой монетки. Да и Порядок не рухнет, если один молодой сапожник пропустит службу и потратит время на то, чтобы найти работу.

На мгновение Хорсту почудилось, что кто-то смотрит ему в спину. Он оглянулся, но никого не заметил. Горожане торопились по своим делам, и даже слонявшиеся неподалеку стражники пятались в другую сторону.

Ощущение чужого взгляда пропало. Хорст вздохнул и, посасывая вытасченный из мешка сухарь, отправился на поиски сапожных мастерских.

– Ну, – сапожник, скрюченный человечек со сморщенной мордочкой оголодавшего барсука, мямлил что-то невнятное, – мы... это... не могу я взять тебя...

– Но что вам мешает? – в отчаянии спросил Хорст. – Я умею и хочу работать! Если хотите, пройду испытание в вашем цеху!

– Ты, это... чужак. – Сапожник впервые взглянул Хорсту прямо в лицо, и во взоре его читались страх и неприязнь. – Нам чужаков не надо! Иди, парень, иди...

Хорст хотел было обложить мастера руганью, но вовремя заметил здоровенных подмастерьев и осекся.

– Да возьмет тебя Хаос! – пробормотал он, выскочив на улицу.

Небо над Вестароном темнело, на востоке из фиолетовой мглы проглянули первые звезды. За день Хорст обошел все, наверное, сапожные мастерские города и везде получил отказ.

Мастера упорно не желали принимать в подмастерья чужака.

Есть хотелось все сильнее. Хорст вытащил из мешка последний сухарь и побрел к центру города. Оставалось найти место для ночлега. Завтра придется убраться из города восвояси – в любом селении отыщутся прохудившиеся сапоги...

Летом вполне можно кормиться в дороге. А чтобы осесть к зиме, найдутся другие города. Сторди, священный Эрнитон, Феарон. Домой, в Троеградье, возвращаться не хотелось, но уж если припрет...

От размышлений Хорста отвлек шорох за спиной. Что-то холодное коснулось бока, а спустя мгновение прозвучал голос, такой гнусавый, будто его обладатель нарочно зажимал нос:

– Что, приятель, не знал, что одному гулять по ночам опасно?

Хорст заробел. Его второй раз за день грабили, и он вновь ничего не мог сделать. На длинной темной улице было пустынно, в домах не светило ни одного окошка.

Орать было бессмысленно, бежать – поздно. Самый быстрый рывок не спасет от прислоненного к ребрам острого ножа.

– У меня ничего нет! – выпалил Хорст. – Я все отдал!

– Это мы сейчас проверим...

– Оставь его. – Новый голос был тихим, но внятным, словно шипение ядовитой змеи.

К изумлению Хорста, грабитель взвыл, точно прищемивший лапу волк, и метнулся прочь. Послышался звон выроненного впопыхах ножа, потом зазвучали торопливые испуганные шаги, которые постепенно удалялись. Когда они стихли, Хорст обернулся.

В сгустившемся сумраке вырисовывался высокий силуэт. На мгновение Хорсту показалось, что глаза спасшего его человека горят золотым пламенем, но наваждение тут же исчезло.

– Спасибо, благородный господин, – забормотал Хорст, на всякий случай кланяясь, – спасибо, что выручили меня...

Кого может испугаться ночной грабитель? Перетрусить до такой степени, чтобы обратиться в позорное бегство, оставив на мостовой орудие собственного ремесла?

– Хватит, – с теми же шипящими интонациями сказал высокий, и, словно вслушиваясь в его слова, стих ветер, исчезли куда-то звуки готовящегося ко сну города. Хорсту вдруг поме-

решилось, что его уши сами поворачиваются к незнакомцу, чтобы уловить все до последнего слова, – угомонись. Следуй за мной...

В темноте – на этот раз точно – на мгновение зажглись две золотые точки.

Маг! Только у них светятся глаза!

Хорст ощутил, как посреди теплой летней ночи его прихватывает морозцем. Связываться с магом ему хотелось еще меньше, чем с грабителем. Намерения второго были более предсказуемы и понятны...

– Нет! – нашел в себе силы пискнуть Хорст.

– Тогда оставайся-на улице и подыхай, – тихий голос звучал равнодушно, – либо тебя прирежут ночью, либо ты через пару дней умрешь от голода. А я предлагаю тебе ночлег и работу.

– У господина прохудились сапоги? – Мысль о том, что магу всего лишь понадобился сапожник, показалась спасительной, и Хорст ухватился за нее обеими руками, чтобы не утонуть в море ужаса.

– Не думал, что ты настолько глуп, – презрительно отозвался маг, – решай. Или ты сейчас идешь со мной, или...

– Иду, – кивнул Хорст, мысленно согласившись с тем, что оставаться на темных и опасных улицах ему не очень-то хочется.

Поговорку «Связался с магом – потерял разум» он. помнил хорошо, но иного выхода в этот момент, похоже, не имелось.

– Тогда пошли. – Маг развернулся и уверенно затопал во тьму.

Они двигались мимо закрытых лавок, миновали небольшую площадь. Маг, судя по всему, прекрасно видел во тьме, Хорст же постоянно спотыкался и больше всего на свете боялся упасть.

Дружинники встречного патруля отступили к стене дома. Факелы в их руках подрагивали, по кольчугам ползали блики, пламя шипело и дергалось, а на лицах воинов застыло напряженное раболепие. Маг не обратил на них внимания.

Прошли еще одну улицу, узкую, точно ножны меча, и выбрались на центральную площадь. По стенам княжеского замка, напоминая брачующихся светлячков, ползали факелы стражников, доносились голоса, взрывы смеха. Темной глыбой высился храм.

Маг свернул к выходящему на площадь дому, похожему на невысокую башню. Ключ бесшумно повернулся в замке, и Хорст вслед за хозяином вступил в пахнущий пылью мрак.

– погоди, я зажгу свет, – сказал маг и канул в черноту, как в воду.

Хорст стоял и тщетно пытался услышать хоть малейшее движение. В полном безмолвии вспыхнула свеча, вырвала из тьмы морщинистое смуглое лицо. В короткой бороде и черных волосах блестела седина, но, несмотря на нее и морщины, маг не выглядел старым.

– Прикрой дверь и пойдем на кухню, – распорядился он.

Когда они добрались до кухни, Хорст уже ощущал себя обманутым. Он ожидал увидеть что-то странное, чудное, но дом мага мало чем отличался от жилища купца средней руки в том же Линоране. Обитые дубовыми панелями стены, высокие потолки, поскрипывающие доски пола.

– Садись, – велел маг, ставя свечу на длинный, как телега, стол. Хорст послушно брякнулся на табурет, опустил мешок на пол. – Сейчас найду что-нибудь съедобное...

С потолочной балки свисали колбасы, смахивавшие на чудовищно толстых пиявок, которых скрутило судорогой, один из углов занимала громадная печь, на стене блестели повешенные в ряд сковородки.

– Держи, – на стол перед Хорстом с плеском встал средних размеров горшок, из которого торчала ложка, – тут похлебка. Сейчас хлеба поищу...

Похлебка оказалась самая обычная, из овощей и зерна – такую в богатых домах варят для слуг. Хорст спешно глотал варево, опасаясь, что сидящий напротив хозяин в любой момент передумает и вышвырнет его из дома.

– Теперь можно и познакомиться, – проговорил маг, когда горшок опустел. Глаза его чуть заметно светились в полумраке, и Хорсту было жутко под пристальным, оценивающим взглядом, – меня знают как Витальфа Вестаронского, Тихого Мага.

– А я Хорст из Линорана, – ответил Хорст, сдерживая сытую отрыжку. После еды потянуло спать, – по прозвищу Вихор...

Кличку он заработал еще в детстве за непокорно торчащие рыжие волосы.

– Так вот, Хорст Вихор из Линорана. – Витальф сплел длинные тонкие пальцы, – с сегодняшнего дня ты работаешь на меня...

– А что вам нужно? Вы хотите сделать из меня слугу? – Дальше этих слов фантазия Хорста не простиралась.

– Слуг я не держу. – Пламя свечи колыхнулось, метнулись тени, превратив лицо мага в жуткую рожу сплошь из темных провалов и ярких выступов. – Мне они не нужны. Кухарка приходит, да и то не каждый день, в конюхи ты не годишься... А ты мне нужен... – Хорст чуть не задохнулся от страха, – как посыльный...

– Посыльный?... – Голос подвел, дал петуха.

– Именно. – Витальф кивнул. – Служба будет точно такая же, как у богатого купца или благородного...

Хорст ощутил недоверие, и маг это заметил.

– Не веришь? И в то же время боишься до дрожи в коленках? Ждешь от меня жутких чудес? Думаешь, что я ем человеческое мясо, краду младенцев, а по ночам летаю на лопате?

Пылающие желтые глаза не отпускали Хорста, тот не мог пошевелиться, даже не мог отвести взгляда.

– Так о вас говорят, – прохрипел он, слизнув соленный пот с верхней губы. – И еще много... всякого...

– Болтают изрядно, – в голосе мага неожиданно прозвучала грусть, – те, кто ничего не смыслит в магии... Вот что такое магия, по-твоему?

– Ну, э... – Витальф на мгновение отвел взгляд, и Хорсту стало легче, он попробовал справиться с мыслями. – Это заклинания всякие, обряды...

– Ерунда, – Тихий Маг досадливо поморщился и сделал рукой круговой жест. В воздухе осталось висеть кольцо серебристого пламени, – магия – всего лишь способ существования. Смотри!

Витальф взмахнул рукой, и кольцо оказалось поделено на четыре части. Хорст в ужасе смотрел на колышущийся в воздухе рисунок, а взмокшие ладони стискивали висящий на шее каменный кубик – символ веры.

– Вот эти два сектора – Порядок и Хаос, – сказал маг, указывая на лежащие напротив друг друга части кольца, – два противоположных начала мироздания. Понимаешь?

Хорст судорожно кивнул, хотя не понимал почти ничего. В голове колотилась одна-единственная мысль: «Владыка-Порядок, спаси и сохрани!» На морщинистой шее мага не было никаких следов веревочки или ремешка, на котором полагается носить священный символ.

Маг пренебрегал всем, чем жили люди – от нищих до императоров, от торговцев оставшегося далеко на севере Полуострова Троеградья до кочевников южных степей!

– А лежащие между ними сектора, – Витальф не заметил, что испуг собеседника усилился или попросту не обратил на это внимания, – связывают эти противоположности. Это обыденная жизнь и магия. И если жизнь широка и место в ней найдется каждому, то магия – узкая тропка между нависающими над ней утесами Хаоса и Порядка. Не каждый может пройти по ней... Ты понимаешь меня?

Хорст вновь кивнул, втайне мечтая о том, чтобы этот мутный разговор поскорее закончился.

– Ладно, – проговорил маг, и светящийся серебром рисунок истаял дымом, – время позднее, пора спать. Ложись прямо тут, на лавке. Завтра утром начнется твоя служба...

– Почему именно я?.. – Застигнутый врасплох, Витальф обернулся, на лице его отразилось изумление.

– Тому несколько причин, – проговорил он, – во-первых, ты никому не служишь, во-вторых, явился в наш город издалека, а значит, опытен в странствиях. Ну, а в-третьих, судя по тому, что ты ушел из родного дома, никто особенно не будет плакать, если с тобой что-то случится...

Хорст ощутил, как от страха пересохло горло – маг знал о нем все.

– Служба у меня вознаграждается щедро, – ободряюще сказал хозяин дома, – после каждого поручения ты будешь получать столько, сколько не зарабатывал и за полгода. А сейчас ложись, отдыхай...

Лавка у стены выглядела широкой и удобной, но Хорст не сразу отважился лечь на нее. Сидел и дрожал, глядя, как текут капли по блестящим бокам свечи, и вслушиваясь, как ходит на втором этаже хозяин.

Все стихло, свеча догорела. Из углов надвинулся мрак, в узкое окно, забранное решеткой, протиснулся слабый звездный свет. Шумел ветер, на соседней улице выясняли отношения коты.

Выждав немного, Хорст встал. Стараясь двигаться беззвучно, закинул за плечо мешок.

Спасибо магу за хлеб и за спасение, но оставаться в этом доме молодой сапожник не собирался. Уж лучше компания разбойников и «серых», чем колдун, открыто пренебрегающий верой Порядка, которая только и защищает мир от пожирания ненасытным Хаосом!

Главное – выбраться из дома и переждать где-нибудь до утра, а уж как ворота откроются – никакой маг не догонит беглеца...

Медленно, осторожно шагая, Хорст отправился к двери. Вступил в коридор, ведущий из кухни, сделал несколько шагов и... удивленно заморгал, очутившись у того же самого длинного стола. В середине его, будто куций пенек, торчал огарок, а дальше примостился пустой горшок из-под похлебки.

Хорст оглянулся. Коридор, ведущий к выходу, чернел за спиной, ощерившись, будто кишка крота. Оставалось непонятным, как, двигаясь по нему, он ухитрился оказаться на той же кухне.

Хорст развернулся и вновь окунулся во мрак. На мгновение заложило уши, перед глазами что-то мелькнуло, он ринулся вперед, точно прорывая невидимую паутину. Сделал шаг и... едва не налетел на знакомый стол.

Паника окатила лицо кипятком, сердце бешено заколотилось. Этого не могло случиться! Он должен был оказаться возле входной двери. Он не мог вернуться на кухню. Хорст осенил себя знаком Куба, истово надеясь, что наваждение развеется, но ничего не изменилось...

Протянул руку наугад, ладонью нащупал столешницу. Ее шершавые доски вряд ли были видением.

Прошептав молитву, Хорст двинулся в коридор спиной вперед. «Главное – не терять из виду вход на кухню, – твердил он себе, – главное...» Перед глазами опять всё поплыло, вновь заложило уши, звуки пропали...

И он опять очнулся рядом с проклятым столом! Дом не желал отпускать гостя. Или пленника. От этой мысли страх навалился с новой силой, но почти тут же превратился в отупляющее отчаяние.

Вопреки воле хозяина ему отсюда не выбраться – эта мысль оказалась той последней тростинкой, которая ломает спину лошади... Хорст ощутил, что у него больше нет сил куда-то рваться, добрался до лавки, рухнул на нее и уснул...

Пробудился, когда проникший в окно солнечный луч зашекотал щеки. Хорст открыл глаза, заслонился рукой и едва не вскрикнул – маг сидел за столом и смотрел на него.

– Вставай, – шипящий голос звучал спокойно, – тебя ждет дорога. Надеюсь, ты умеешь ездить на лошади?

– Немного умею, – ответил Хорст, садясь. Ночной кошмар отступил, растворился в мареве сна, и на мгновение сапожник усомнился – а был ли он? – Если на смирной...

– Будет тебе смирная, – маг передвинул по столу булькнувший кувшин, – завтракай...

Хорст с опаской принялся. Кто его знает, этого мага, еще предложит на завтрак стакан крови. Но в кувшине оказалось всего лишь пиво. Хорст налил себе кружку, отрезал кусок от лежащей тут же колбасы.

Витальф сидел напротив, молчаливый и неподвижный.

– Наелся? – спросил он, когда Хорст проглотил последний аппетитный ломоть. – Тогда пошли.

Вслед за хозяином Хорст по узкой и скрипучей лестнице поднялся на второй этаж. Тут тоже не было ничего необычного. Пергаментные свитки устилали громадный стол, как жухлые осенние листья пригорок в лесу. На полке выстроились рядком тяжелые фолианты.

– Возьми это, – маг протянул небольшой кошелек из коричневой кожи, – тут шесть фарий и пять ликов, должно хватить на дорогу. Когда вернешься, получишь столько же в качестве платы.

– А куда мне ехать?

– В Эрнитон, – ответил Витальф, вытаскивая из кармана какую-то блестящую штучковину на цепочке, – надень это на шею. По этому знаку каждый поймет, что ты служишь мне.

– А это обязательно? – спросил Хорст, разглядывая серебряную голову рыси. Зверь злобно скалился, а кисточки на кончиках ушей, казалось, трепетали.

– Знак избавит тебя от множества проблем, – Витальф пожал плечами, – его знают все – разбойники, стражники, слугители Порядка...

Хорст спешно надел цепочку на шею. В первый момент украшение показалось необычайно тяжелым, потянуло к полу, но почти тут же тяжесть исчезла.

– Вот это, – в руках мага возник свернутый в трубочку свиток, с которого свешивалась печать с той же рысью, – отвезешь в Эрнитон, на улицу Пекарей, Кривому Лорчу. Запомнил?

– Запомнил, – буркнул Хорст, принимая свиток.

– Отлично, – Витальф кивнул, – теперь идем в конюшню.

В конюшне царил полумрак, сладкий аромат сена причудливо смешивался с запахом навоза. В широком стойле дремала лошадка мышинной масти. Заслышав людей, она вскинула морду и приветственно фыркнула.

– Поедешь на этом, – сказал маг, – сейчас я покажу тебе, как его седлать...

После непродолжительных усилий серого жеребца взнуздали, а вещи Хорста перекочевали в седельные сумки.

– Так, и последнее. – Глаза мага на мгновение засияли, как две золотые монеты, и Хорст вздрогнул. – Даже не пробуй сбежать, не выполнив поручение! Отвезешь свиток, возвращайся ко мне сразу же. Понял?

– Как не понять, – пробормотал Хорст, беря коня под уздцы.

– Тогда двигай! – Витальф скривил губы, изображив нечто похожее на улыбку. – Да, чуть не забыл...

Хорст изумленно уставился на короткий меч в потертых ножнах, который протянул ему маг.

– Это мне? Я же не умею с ним обращаться!

– Научишься, – Витальф нахмурился, – в любом случае, он тебе пригодится! Бери!

Ощущая себя ужасно глупо, Хорст подвесил ножны к поясу. Тот перекосило, меч свисал до колен, и ходить стало неудобно.

Ворота конюшни распахнулись с душераздирающим скрипом. Ведя коня за собой, Хорст выбрался наружу.

– Не пробуй удрать, – повторил маг ему в спину, и от этого тихого шелестящего голоса по затылку Хорста прокатился холодок.

Он вздохнул свободно, когда городские стены остались позади. Свежий ветер овеивал лицо, солнце, желтое, как кусок топленого масла, болталось в лазурном небе, шелестела листва растущих вдоль дороги берез. Жуткие воспоминания о доме на центральной площади Вестарона казались страшным сном.

Проехав пару ходов от города, Хорст добрался до развилки. Одна дорога вела на северо-восток, к переправе через Биронт и дальше к Эрнитону, Святому Граду, другая – на север.

«Хрен тебе, маг, а не поручение! – подумал Хорст, на всякий случай осеняя себя знаком Куба. – Нашел дурака таскаться с твоими поручениями! Коня и меч я продам, они мне ни к чему, да и дурацкий амулет тоже!» Жалко было обещанных денег, но куда честнее будет заработать их шилом и молотком, чем службой у мерзкого колдуна.

Хорст презрительно сплюнул в сторону Вестарона и повернул коня на север. Украшенные белыми шапками снегов горы, обиталище диких нелюдей, остались прямо за спиной.

Березняк сменился ельником, потом дорога нырнула в ложбину, густо заросшую осинами. Мышастый конек неторопливо перебирал ногами, Хорст насвистывал под нос песенку о мельничихе, которая жалеет окрестных мужиков...

Когда вокруг потемнело, он поднял глаза, думая, что шальная туча напозла на солнце. Но туч в небе не было, как, впрочем, и солнца. От горизонта до горизонта простерлась серая хмарь.

Конь испуганно всхрапнул, Хорст ощутил, как заledenело сердце.

– Вперед, спаси нас Владыка-Порядок, – забормотал он, – и все Порядочные его... Вперед, вперед... Сгинь, пропади, наваждение Хаоса!

Жеребец сделал еще шаг и остановился, его била крупная дрожь. Куда-то исчезли звуки, стихло пение птиц, смолк ветер, жуткая тишина опустилась на землю, на фоне серого тумана неподвижные деревья казались мертвыми.

– Сгинь! – выкрикнул Хорст отчаянно, но голос прозвучал жалко и слабо.

Он спрыгнул с коня, решив, что животное лучше повести в поводу. Но колени неожиданно подогнулись, и Хорст повалился на странно сухую землю. Уперся в нее руками, чтобы встать, и заорал от ужаса – под ладонями все крошилось, будто слежавшаяся пыль.

Когда вскочил, то на земле остались несколько ямок. С глухим шелестом почва начала проваливаться в них, осыпаться, точно песок в отверстие. Хорст схватился за повод, дернул за него, но конь и сам рванулся вперед, чтобы уйти от стремительно растущих воронок. Они слились в одну, в тверди будто раскрылся громадный жадный рот. Внезапно его оглушил шелест земли, которая утекала в никуда. От него заболели уши. Сердце колотилось неровно, сбиваясь с ритма. Конь с истошным ржанием взвился, Хорст выронил повод, и жеребец умчался. Незадачливый сапожник сделал несколько шагов и ощутил, как силы вытекают из него, точно пиво из дырявого кувшина. «Амулет! – мелькнула паническая мысль. – С его помощью маг наводит чары! Надо избавиться от него, выкинуть вон!»

Ладонь нащупала болтающееся на шее украшение, Хорст дернул цепочку, чтобы снять амулет, и завопил от боли в обожженной руке. Знак Тихого Мага оказался горячим, словно извлеченный из горна слиток, но при этом совершенно не жег тело, только ладонь...

Хорст вторично упал на четвереньки, по лицу его текли¹ слезы, но даже сквозь них было видно, как приближается жуткая пасть провала. В глубине его виднелось нечто черное...

– Ладно! – заорал Хорст, не соображая, что делает. – Я поеду туда, куда ты скажешь! Поеду!

Земля под ним провалилась, Хорст ощутил, что падает...

– С вами все в порядке?

Хорст вздрогнул и с трудом приподнял веки. Он сидел на земле, прислонившись к толстому дереву, а мышастый конек, надежно привязанный, спокойно пасся в нескольких шагах.

Вопрос задал молодой парень, почти мальчишка, с черными усиками на розовом лице. Он стоял в нескольких шагах, а дальше, на дороге, виднелся остановившийся обоз – десяток телег, несколько конных.

– Если что, у нас есть лекарь.

– Все хорошо, слава Владыке-Порядку, – Хорст разлепил ссохшиеся потрескавшиеся губы, – я просто немного задремал...

Судя по всему, он оказался на той развилке, где не так давно повернул на север.

– А, ну тогда ладно, – на лице мальчишки нарисовалось облегчение, – а то мой отец считает, что нужно всем помогать, кому можешь...

Судя по тону, отпрыск не одобрял убеждений папаша.

– Все хорошо, – повторил Хорст, ощущая, как в сердце трепещут отзвуки пережитого ужаса.

Мальчишка кивнул и побежал к обозу. Высокий мужчина в богатой одежде что-то крикнул, возчики очнулись от дремоты. Лошади сдвинулись с места, пронзительно заскрипели колеса.

Хорст бездумным взглядом смотрел, как телеги одна за другой исчезают за поворотом. Когда из виду скрылась последняя, он нащупал на груди подаренный магом амулет. Тот был горяч, но рук не обжигал.

– Во имя Владыки-Порядка, – прошептал Хорст, – это был морок или наяву? Что будет, если я попробую снять тебя?

В ушах зашелестел пересыпающийся песок. Сердце бешено заколотилось, на лбу мгновенно выступил пот. Хорст вздрогнул и поспешно отдернул руку.

«Не пробуй удрать», – Хорст вновь услышал шепчущий голос мага. Теперь стало ясно, что фраза эта была не пустым предупреждением, а настоящей угрозой.

Судя по всему, Витальф страстно желал, чтобы его гонец выполнил задание.

– Будь проклят тот день, когда я приперся в Вестарон, – зло пробормотал Хорст, поднимаясь на ноги, – и тот миг, когда я согласился наняться в подручные к колдуну!

Отвязав коня от дерева, он неуклюже взгромоздился в седло. Похоже было на то, что иного выхода, кроме как ехать в Святой Град, у сапожника, теперь уже бывшего, не оставалось.

Дорога вывела к святилищу в тот момент, когда солнце клонилось к закату, а задница Хорста, отбитая о седло, начала болеть. Пробивающиеся сквозь кроны лучи окрасили стены храма в оранжевый цвет.

Внутри, судя по звону колокольчиков и пению, шла служба.

Хорст спешил, привязал коня. Каждый верующий, даже если он пустился в долгий путь, должен при любой возможности посещать храмы, иначе разрушительная сила Хаоса сошьет гнездо в душе, навлечет болезни и безумие...

Хорст не собирался отступать от этого правила, рассчитывал переночевать в странноприимном доме при святилище, и кроме того, скромно надеялся на то, что служители Порядка помогут избавиться от власти мага. Прихожан было немного: несколько крестьян, распространяющих запах навоза, бродячий сказитель с болтающимся на спине коробом, из которого

выглядывали гусли, да еще благородный со свитой. На вошедшего покосились без особого интереса.

Расположившийся позади кубического алтаря теарх – старший служитель – гудел, точно огромный шмель. Белая прямоугольная хламида не скрывала выпирающего чрева и широких плеч. Его подручные подпевали, негромко позвякивали колокольчики, от жаровен тек сладко пахнущий дым.

Хорст бросил монетку в ящик для пожертвований, опустил на колени и забормотал молитву.

Служба закончилась, теарх широким жестом благословил собравшихся. Крестьяне затопились к выходу, гусяр остался стоять на месте, благородный повернулся к фреске с изображением Порядочного Отольфа, покровителя всех, носящих оружие...

Хорст решительно направился к алтарю.

– Что тебе нужно, сын мой? – Теарх взглянул на него с нескрываемым удивлением.

– Помощи, во имя Владыки-Порядка, – ответил Хорст негромко и протянул ладонь, на которой скалила клыки серебряная рысь морда, – вы знаете, что это такое?

– О, да! – Багровое лицо служителя Порядка залила мертвенная бледность. – Знаю, знаю... Пойдем, сын мой!

Увлекаемый мощной дланью, Хорст проследовал в комнату для исповедей. В квадратной комнатухе имелись крошечное окошко, куда протискивался свет заходящего солнца, и две скамьи из черного дерева.

– Садись, сын мой, – тяжело проговорил теарх, – судя по этому знаку, ты... – он запнулся, – состоишь в свите Тихого Мага.

– Да, но я не желаю там быть! Хочу вновь стать свободным!

– И ждешь помощи от нас? – Сказано это было так, что Хорст ощутил, как надежда, теплившаяся внутри него, скончалась с жалобным писком.

– Да, отец.

– Свобода человека лишь в том, чтобы выбрать, каким путем идти – Порядка или Хаоса, созидания или разрушения. – Служитель вздохнул. – Так гласит Книга Предписаний. Магия не одобряется церковью, так как ставит человека на самую грань Хаоса, но в то же время она не идет против Порядка, поэтому никто не запрещает существовать магам...

Глаза служителя бегали, а жесты казались нервными и торопливыми.

– Неужели ничего нельзя сделать? – Хорст почувствовал, как к горлу подкатил ком, сердце ухнуло в пропасть отчаяния.

– Ну, сын мой... – служитель на мгновение задумался, – Витальф Вестаронский принуждал тебя отречься от веры? Клеветал на порядочную церковь? Оскорблял Куб или иные символы?

– Нет, он лишь нанял меня в посыльные, – убитым голосом ответил Хорст. Можно было пожаловаться на ночные страхи, но кто в здравом уме поверит в кухню, из которой нельзя найти выход?

– Тогда мы тут бессильны, – теарх развел руками, – будь крепок в вере, молись Владыке-Порядку и Порядочным его, и сила Хаоса бежит от тебя. Верно служи хозяину земному, выполняй его поручения, пока они не противны заповедям...

– Так что, мне теперь до смерти работать на этого мага? – Хорст с трудом сдерживал слезы. Уж если церковь, держащая в руках силу Порядка, не в состоянии помочь, то кто сможет?

– Не знаю, сын мой, – теарх вздохнул, голос его надломился, нравоучительный тон пропал, – служба любому господину преходяща. Я полагаю, что маги, несмотря ни на что, все же люди, и как любого человека, Витальфа Вестаронского можно просто уговорить... Попроси его отпустить тебя, и он, может быть, не откажет.

– Вы полагаете, отец?

– Да, сын мой. И буду молиться за тебя! Больше ничем помочь, увы, не в силах!

Глава 2. Шут.

– Так... Вот и гости пожаловали. – Мужик, вышедший на дорогу, телосложением напоминал бочку, а весу в нем наверняка было не меньше, чем в матером хряке. Рогатина в руке напугала бы и медведя. – Сейчас мы их примем как положено...

Хорст натянул поводья, останавливая коня.

– Что вам надо, люди добрые?

– Добрые, гы-гы-гы, – захохотал мужик, – эй, братцы, как он нас обозвал!

Кусты боярышника по сторонам от дороги зашевелились, одного за другим выпуская оборванных и грязных типов, принадлежащих к племени лесных разбойников. На заросших рожках красовалось одинаковое, угрюмое и злое, выражение.

Хорст взирал на происходящее с недоумением. После выезда из Вестарона прошло четыре дня. За это время бывший сапожник хорошо уяснил, какое впечатление на окружающих производит болтающийся на его шее амулет. Завидев голову рыси, содержатели постоянных дворов делались до отвращения любезными и спешно перестилали ему постель в лучшей комнате.

Вздумавшие ограбить одинокого всадника княжеские дружинники спешно дали деру, едва их десятник сообразил, с кем имеет дело, и даже буйные наемники из свиты редара, устроившие погром в придорожной таверне, не рискнули тронуть посыльного мага.

И вот теперь – разбойники.

– Ты эта... – доверительно сказал первый разбойник, неумолимо приближаясь. Хорст пошатнулся от вони немытого тела, шибанувшей в нос, – слезай с коня. Он тебе больше не понадобится. Дай карманы выворачивай...

– А вот это ты видел? – Хорст вытащил из-за ворота рубахи амулет. – Приглядишься внимательнее!

Разбойник близоруко сощурился.

– И што? – буркнул он. – Цацка какая-то... Котовья башка. Или ты ей откупиться хочешь?

Хорст сглотнул пересошим горлом. Привыкнуть к всеобщему почтению оказалось очень легко, и столкновение с людьми, которые ничего не знали о символе Тихого Мага, заставило бывшего сапожника растеряться...

– А ну слазь с коня! – Бочкообразный разбойник выразительно потряс рогатиной.

– Э... – Хорст вздрогнул, где-то на грани слышимости возник хорошо знакомый звук – шелест пересыпающегося песка.

– Чего вылупился? Или тебя поторопить?

Гулкая тишина опустилась на мир. Хорст замер, сгорбился в седле в ожидании неизбежного ужаса. На звероватых лицах разбойников отразилось недоумение, быстро сменившееся страхом.

Хорст вскрикнул и прикрыл глаза пальцами: такой внезапной показалась наступившая темнота. Он не видел даже своих ладоней, а слышал только доносящиеся из мрака жуткие вопли.

И лязг собственных зубов.

Рядом пробежало нечто тяжелое, земля вздрогнула, раздался отвратительный хруст, словно раздавили жука размером с дом. Лицо овеял непередаваемо вонючий ветер...

Свет вернулся неожиданно, причиняя боль, и Хорст зажмурился. Когда под веками перестали плавать оранжевые и желтые пятна, рискнул открыть глаза. И едва сдержал тошноту.

На узкой дороге, зажатой, словно в тиски, зарослями боярышника, в багровых лужах крови распластались чудовищно изуродованные трупы. Их будто изжевали тупыми огромными

зубами. Никто из разбойников не уцелел, а на сохранившихся лицах навеки застыл дикий страх.

– Спаси нас Владыка-Порядок, спаси и сохрани, – забормотал Хорст, спешно осеняя себя знаком Куба.

Конь недовольно всхрапнул, когда его ткнули в бока. Пошел осторожно, огибая тела и стараясь не попасть в кровь. К мертвецам, возбужденно жужжа, слетались мухи.

Постоялый двор выглядел ровесником крепостных укреплений Вестарона: бревна стен поросли мхом, кое-где подгнили, а крыша зияла дырами, но у Хорста просто не имелось выбора. До захода солнца оставалось всего ничего, нужно было останавливаться на ночлег.

Заслышав стук копыт, из дверей выглянул чумазый лохматый мальчонка, заспешил навстречу всаднику.

– Давайте вашего коня, господин, – затараторил он. – Я его поставлю в конюшню, расседлаю, вычищу, насыплю овса...

Детский взгляд наполнился ужасом, рука, ухватившая повод, вздрогнула. Хорст прикрыл ладонью болтающийся на груди амулет, но слишком поздно. Мальчишка заметил серебряную рысью голову и прекрасно понял, что она обозначает.

– Держи, – сказал Хорст, вытаскивая из кошелька мелкую монету, – и не стоит меня бояться, я тебя не съем...

И так не вовремя нахлынуло воспоминание об оставшихся лежать на дороге разбойниках. Хорст ощутил себя бессовестным лжецом, стыд горячей волной прилил к щекам.

Зал постоялого двора зиял пустотой, за одним из столов, сгорбившись и обхватив кружку руками, сидел высокий мужчина. Несмотря на теплый летний вечер, плащ его был наглухо застегнут у горла.

– Что вам угодно, господин? – К Хорсту, сияя редкозубой улыбкой, подскочил хозяин, чье круглое розовое лицо напоминало мордочку поросенка.

– Ужин и комнату. – Прятать амулет было поздно, так что Хорст выставил его напоказ.

– Присаживайтесь, сейчас все будет. – Хозяин засуетился, точно лось, которому стрела угодила в филейную часть. – Вот сюда, этот стол прибран...

Чистым стол выглядел только по сравнению с остальными, но, по крайней мере, он не напоминал помойку, так что Хорст не стал корчить из себя «господина» и послушно сел. Через мгновение перед ним очутились запотевший кувшин и кружка.

– Мясо сейчас будет, – сообщил хозяин и умчался на кухню, откуда потянуло дымом.

– Вы позволите? – Вопрос прозвучал до того неожиданно, что Хорст, наливающий себе пиво, встрепенулся и чуть не уронил кувшин.

Сидевший ранее в углу тип стоял рядом, держа в руках кружку. По тяжелому, хриплому дыханию и красным, налитым кровью глазам было видно, что он изрядно пьян.

– Э... садитесь, – сказал Хорст, – садитесь...

Скрипнула отодвигаемая лавка. Незванный собутыльник был весь седой, лицо его покрывали морщины, но руки вовсе не выглядели старческими. Кожа на них была гладкой, суставы не выступали уродливыми узлами.

– Когда-то, – сказал он мрачно, уставившись Хорсту куда-то в область груди, – я тоже таскал подобную штуку на виду... мне нравилось, когда все вокруг бегает, боится...

Хорст не сразу сообразил, о чем идет речь, а когда осознал, то подавился пивом. Закашлялся, глаза полезли на лоб, а когда смог говорить, то прохрипел:

– Что? Вы тоже? С этим?

– Спокойнее, ради Творца-Порядка, – человек в плаще поморщился и отхлебнул из кружки, – они не знают обо мне, и я не хочу, чтобы узнали...

Из кухни явился улыбающийся хозяин, держа на вытянутых руках блюдо. При виде сидящих вместе гостей в его зоре мелькнуло недоумение, но тут же пропало.

– Благодарю, – растерянно проронил, Хорст и, дождавшись, когда хозяин отойдет на достаточное расстояние, шепотом спросил:

– Вы тоже работаете на него? Тоже посыльный?

– Посыльный? Вот как? – Незнакомец ухмыльнулся, вытащил из-под плаща серебряный амулет в виде медвежьей головы. – Нет, я служу у Гойдерика Феаронского, и вовсе не посыльным...

– А кем же?

Вдоль стенки, бросая на Хорста полные любопытства и ужаса взгляды, прошмыгнул конюшенный мальчишка.

– Это даже нельзя назвать службой, – ответил незнакомец, когда парнишка скрылся в двери кухни, – служит ли хозяину фишка на игровой доске?

– Не понял, – Хорст недоуменно заморгал.

– Ничего, поймешь, – усмехнулся незнакомец и отхлебнул из кружки, – позже. Меня Гойдерик нашел, когда я промотал все кроме чести благородного... Поначалу я тоже думал, что всего лишь езжу по его поручениям... Хаос забирай этого мага!

Речь седовласого мужчины становилась все более путаной, глаза дико блеснули.

– На самом деле, – незнакомец качнуло, он уцепился за стол, чтобы не упасть, – маги беспрерывно играют между собой, только вместо доски у них – земля, а фишками служат люди... Радуйся, слуга Витальфа, Тихого Мага, ты попал в игру... тобой ходят, как хотят, и в любой момент могут съесть...

Хорст отшатнулся, в голову пришла мысль, что он разговаривает с безумцем. Из-за двери в кухню высунулся обеспокоенный хозяин.

– Все в порядке, – Хорст махнул ему рукой, – а вам лучше больше не пить...

– Ничего, – незнакомец в плаще медленно поднялся, – скоро ты тоже станешь таким, как я, и у тебя останется одна радость – выпивка... вот тогда ты поймешь...

Бормоча что-то невразумительное, он доковылял до своего стола и свалился на лавку. Выпрямился, покачнулся, и седая голова с тяжелым стуком упала на столешницу. Спустя мгновение донесся размеренный негромкий храп.

Хорст облегченно вздохнул и принялся за еду.

Дорога петляла среди возделанных полей, на обочинах колыхались пока еще зеленые, но набухающие колосья, там и сям виднелись работающие крестьяне. Северный ветер гнал по небу стада облаков, похожих на белоснежных овец, и попутно слегка приглушал жару.

Конь под Хорстом шел неторопливым шагом, а у разморенного зноем всадника не было сил его подгонять.

Вдалеке, над темной полосой леса, виднелись башни Святого Града. Эрнитон, первый основанный людьми после Исхода город, за семьсот лет существования перестраивался не раз, а его нынешние укрепления возвели в годы Второй Империи, два века назад.

Когда-то это была маленькая крепость, столица одного из княжеств. Сейчас в Эрнитоне и окрестностях железной рукой правили саттеархи, Верховные Служители Порядка. О разбойниках тут давно никто не слышал, Хорста несколько раз останавливали разъезды конных воинов в белых плащах с изображением Куба. Но амулет в виде рысей головы им тоже был знаком.

К городским воротам Хорст добрался вскоре после полудня, когда ветер стих и жара стала нестерпимой. У подножия одной из башен, в тени исполинских стен, расположился пост. Несмотря на зной, стражники были в шлемах, а плащи оставались белоснежными, словно пыль и грязь стеснялись пятнать одежду воинов Святого Града.

Хорст спешил и встал в длинную очередь желающих попасть в город. Тут были купцы, крестьяне, странствующие мастера, несколько обвешанных оружием наемников.

Очередь двигалась еще медленнее, чем солнце по небу. Хорст отчаянно скучал и даже успел проголодаться. Пока ждал, вспоминал странную встречу на постоялом дворе, сумбурные речи незнакомца в плаще. Когда утром Хорст пробудился, того уже и след простыл, так что поговорить еще раз не удалось.

– Проходи, следующий, – десятник стражи покосился на амулет, и во взгляде его на мгновение промелькнуло отвращение, – цель прибытия в город?

– Исполняю поручение хозяина, – ответил Хорст, – должен отдать письмо...

– Обязан напомнить, – голос десятника был кислым, точно капустный рассол, – что занятия магией в пределах Святого Града запрещены и караются смертной казнью. Пошлина за въезд конного – две десятины лика.

Хорст отдал большую золотую монету с изображением нынешнего Верховного Служителя, получил назад восемь таких же, но из серебра. Десятник кивнул, и бывший сапожник, ведя коня в поводу, миновал расступившихся стражников и шагнул в пределы Святого Града.

Если Вестарон выглядел ветхим городом, где все жили прошлым, то Эрнитон просто кипел жизнью. Хорста в первый же момент чуть не сбили с ног лотошники, с пронзительными воплями ринувшиеся на покупателя.

– Покупай пироги с пылу с жару!..

– У него они с тухлятиной, бери мои!..

– Колбаски горячие, жирные!..

От аппетитных запахов потекла слюна, а желудок скрутило в тугой узел. Хорст не удержался, купил жареную колбаску на палочке и заодно спросил дорогу до улицы Пекарей.

– Это тебе к порту надо, – сказал торговец, почесав затылок, – иди вон туда, как выйдешь на площадь Отрубленных Голов, так сворачивай налево...

Улица была так забита людьми, словно все жители Святого Града одновременно выбрались погулять. Придерживая одной рукой кошелек, а другой ведя за собой коня, Хорст лавировал между телегами и прохожими.

Со всех сторон доносились вопли зазывал, под ногами шныряли косматые собаки и оборванные дети, «благоухали» грязные лужи, из раскрытых дверей харчевен тянуло горелым.

Площадь Отрубленных Голов возвестила о приближении многоголосым гулом. Улица свернула, и Хорст очутился в людном месте: вокруг расстилось обширное пространство, заполненное толпящимся народом. Дальше виднелся храм, а у самых его стен – большая куча дров с торчащим из них столбом.

Вокруг столба цепью выстроились стражники, солнце блестело на шлемах и наконечниках копий.

– Что тут у вас? – спросил Хорст у вертевшегося рядом лысого мужика в припорошенной струсжой одежде.

– Одержимого Хаосом жечь будут, – бодро отозвался мужичок, – почитай, с зимы такого не было...

От храма слышалось многоголосое пение, и из дверей святилища Порядка выступили несколько младших служителей с колокольчиками в руках. За ними в кольце стражников Шагал оборванный заросший человек. Волосы скрывали его лицо, но Хорст знал, что оно, как и тело одержимого, покрыто кровоточащими язвочками.

Хаос метит тех, кто впустил его в сердце.

Толпа смолкла, скованная ужасом, многие осенили себя знаком Куба.

За осужденным шел теарх в кубической шапке, отороченной белым мехом горного медведя. Замыкали шествие еще шестеро младших служителей с горящими факелами.

Когда до столба оставалось меньше десяти шагов, одержимый вскинул голову.

– Сгинете, твари! – Крик его оказался неожиданно громким. – Солнце изойдет гноем... деревья оживут, а скалы раскроют пасти... блевотина ваша покроеет землю...

Хорст, слушал полные злобы вопли спокойно. Он не раз сталкивался с одержимыми и знал, что завладевший ими Хаос уродовал не только тело, но и рассудок. В считанные дни здоровый разумный человек мог превратиться в рехнувшуюся развалину.

И выход тут был только один – костер.

Не обращая внимания на корчи и крики одержимого, стражники расковали его и привязали к столбу. Факельщики стали вокруг, а теарх расположился между осужденным и толпой. Он держал в вытянутых руках лист пергамента, который трепетал на ветру.

– Во имя Вседержителя-Порядка, да простирается его длань над нами вечно, – сильный голос разнесся над площадью, и толпа стихла, – святая церковь Эрнитона с величайшей скорбью извещает, что бондарь Ренсти предал себя в лапы Хаоса...

Теарх зачитывал обвинительную речь, какую произносят перед каждым сожжением. Одержимый корчился в путах, лицо его кривилось, рот открывался, но из него не вылетало ни единого звука. Сила Порядка сковала его язык не хуже железа...

– Поджигайте, – велел теарх, закончив речь.

Шесть факелов опустились одновременно. Сухое дерево занялось сразу, по грудке дров с треском поползли огненные язычки. Осужденный вздрогнул, лицо его исказилось, и до ушей собравшихся долетел истошный, полный злобы и муки вопль:

– Проклинааааюуюуюю!..

Крик стих, остался только гул ревающего пламени. Серый столб дыма, взвивающийся к синему небу, постепенно почернел, повис на месте, точно колонна из темного камня.

Сила Хаоса исторглась из разрушаемого тела. Внутри темного столба вспыхнула багровая молния, за ней еще одна, глухой рокот донесся из поднебесья.

– Изыди! – теарх вскинул руки. – Сгинь, во имя Вседержителя– Порядка!

Порыв ветра примчался с севера, растащил казавшийся плотным столб на отдельные пряди и унес на юг.

Огонь вспыхнул нестерпимо ярко, поднялся, с низким рыком охватил привязанную к столбу фигуру. Хорст с ужасом заметил, что та двигается. Одержимый все еще был жив!

Когда шевеление прекратилось, пламя отпрянуло, словно насытившийся дикий зверь. У тлеющего столба скрючился обгорелый человеческий остов. Он вздрогнул, качнулся и рассыпался черным пеплом.

– Сожжение свершилось! – объявил теарх. Толпа дружно вздохнула, и люди стали покидать площадь.

Хорст прошел неподалеку от места казни. Служители, бормоча молитвы, заливали костер освященной водой, теарх расхаживал вокруг с самодовольным видом, словно собака, почуявшая дичь.

Улицу Пекарей проще всего оказалось найти по запаху. В ее окрестностях аромат свежего хлеба перебивал обычную для большого города вонь нечистот и мусора.

– Скажи-ка, – спросил Хорст у мальчишки в фартуке, который семенил навстречу и тащил на плече здоровенный лоток с хлебами, – где тут можно найти Кривого Лорча?

– Кого? – Глаза парнишки, ученика из какой-нибудь пекарни, выпучились.

– Кривого Лорча, – повторил Хорст. – Ведь это улица Пекарей?

– Она самая, – подтвердил мальчишка, – только такого тут у нас отродясь не водилось...

Ученик побежал дальше, а Хорст остался стоять посреди улицы с глупо разъявленным ртом.

Он точно помнил задание мага – Эрнитон, улица Пекарей, Кривой Лорч.

Оставалось предположить, что мальчишка попался не слишком понятливый. Пройдя десяток шагов, Хорст заглянул в одну из хлебных лавок, рассчитывая узнать хоть что-нибудь. За прилавком обнаружился древний дед, заросший бородой по самые уши. Из белых волос сверкали серые живые глаза.

– Что угодно господину? – прошамкал старик. Судя по всему, торговец уже заметил лошадь, которую Хорст привязал снаружи, и амулет, болтающийся на шее посетителя.

– Где здесь живет Кривой Лорч?

– Во имя Творца-Порядка, – на бородатой физиономии отразилось искреннее недоумение, – семьдесят лет тут живу, а никогда не слышал о таком...

Хорст растерянно заморгал. Может, Витальф Вестаронский что-то напутал? Или нарочно дал посыльному невыполнимое задание? Или хотел с его помощью достичь совсем других целей?

– Не желаете чего-нибудь купить?.. – Оторопевшего Хорста вернул к реальности вопрос хозяина лавки. – У нас лучшие караваи во всем городе! Есть сдоба, пироги...

– Нет, благодарю, – ответил бывший сапожник и заспешил на улицу. Здесь он отвязал лошадь и побрел прочь.

В Эрнитоне, в котором насчитывалось несколько десятков тысяч жителей, найти человека, зная только его имя, не проще, чем наловить рыбы при помощи топора. Да и непонятно, как искать?

Что же остается? Вернуться в Вестарон, не выполнив поручения? Страшно, маг наверняка разгневется. А от Разозленного чародея трудно ожидать чего-либо хорошего. Превратит в жабу или в червяка, а то и вовсе проклянет каким-нибудь хитрым загибом...

Попробовать скрыться? При одном воспоминании о попытке свернуть с предписанного пути Хорст вздрогнул, на мгновение ему почудилось, что он вновь слышит зловеший шелест за спиной...

Ничего не оставалось, как возвращаться.

Подняв голову, Хорст обнаружил, что, размышляя, забрел к самому порту. Торчали мачты стоящих у причалов кораблей, набегающие на берег волны пахли водорослями и тухлой рыбой.

За отливающей зеленой водной гладью виднелась стена, опоясывающая гавань. Лоснящаяся каменная глыба выступала из воды примерно на три человеческих роста, а в море вел ограниченный мощными башнями проход, достаточно широкий, чтобы проплыли два судна.

Сейчас его перекрывала решетка из толстых железных прутьев.

Когда-то порты Полуострова обходились без стен, башен и решеток, но явившиеся двести лет назад из глубин «морские люди» вынудили обитателей земли все время помнить об опасности, исходящей от соленой воды.

Вспомнился родной Линоран. Там точно такие же башни в гавани...

Солнце медленно клонилось к закату, теряя яркость и наливаясь багрянцем усталости. Пускаться в путь сегодня не имело смысла, поэтому Хорст развернулся и побрел назад, к центру города. Бывший сапожник прекрасно знал о том, что такое окрестности порта и кто в них обосновался. Ночевать он здесь не собирался.

На это отважился бы только ненормальный.

У ворот постоянного двора Хорста встретил слуга, наряженный, точно пугало. Рубаха болталась на его широких костлявых плечах, как на палке, из рукавов выступали тощие руки, а волосы напоминали торчащую во все стороны солому.

– Мест нет, господин, – сказал он, принимая коня.

– А другие постоялые дворы у вас имеются? – раздраженно спросил Хорст. После проведенного в седле дня болели ноги и ужасно клонило в сон.

– Не, – на глуповатой физиономии отразилась искренняя печаль, словно слуга лично истребил все прочие постоялые дворы в большом селении на границе Святой области, – нету больше...

– Хаос тебя подери! – пробормотал Хорст и решительно направился к дверям. Если с кем-то и имеет смысл разговаривать, то с самим хозяином.

И должен же в этой ситуации на что-то согдиться знак мага?

Внутри оказалось жарко, душно и шумно. В очаге пылал огонь, мокрый от пота мальчишка поворачивал над ним вертел со свиной тушей, пахло пивом, дымом и горелым мясом.

На свободном пространстве у самого очага крошечный человечек в кафтане цвета пожара ходил на руках, ухитряясь при этом перебрасывать с ноги на ногу высокий кувшин. Судя по выплескивающейся воде, посудина была наполнена под горлышко.

За выкрутасами трюкача наблюдало множество глаз. Вошедшего Хорста едва заметили, многие вообще не обратили на него внимания.

– Прошу простить, господин, – зашептал возникший Рядом хозяин, – но мест...

Взгляд его уперся новому гостю куда-то в область груди и заготовленная фраза умерла со сдавленным всхлипом. В светлых глазах содержателя постоянного двора мелькнул страх.

– Так что вы хотели сказать? – поинтересовался Хорст, хотя и так прекрасно понимал, что именно собирался сообщить ему хозяин.

Свободных мест за длинными столами и впрямь не нашлось. Вокруг заставленных кружками и мисками столешниц тесно расположились те, кого нужда или прихоть выгнали в дорогу – бродячие мастеровые, несколько служителей Порядка, купцы и даже благородные.

Служанки, осторожно балансируя подносами, с трудом пробирались через толпу.

– Идемте за мной, – вздохнул хозяин. Незанятое место отыскалось за небольшим столом у самого входа на кухню. В обычное время его использовали не для того, чтобы кормить гостей. Стол покосился и был весьма грязным, но Хорст не стал привередничать.

Едва успел сесть, как стены потряс взрыв хохота. Владелец щегольского костюма, подбросив кувшин почти под закопченный потолок, ловко перевернулся на ноги и «поймал» посудину головой, да так, что та разбилась. Вода брызнула в стороны, потекла по седым патлам и бороде, испятнала цветастые тряпки.

– Остается утешаться тем, – изрек шут дребезжащим голосом, – что такую репутацию, как у меня, невозможно подмочить...

Не обращая внимания на всеобщий смех, фигляр извлек откуда-то длинную несуразную дудку и принялся дуть в нее изо всех сил. Помещение огласили пронзительные звуки, по неблагоприятную сравнимые разве что с извержением кишечных газов, но куда более громкие.

Подошедшая служанка выставила перед Хорстом миску с кашей, обильно сдобренной шкварками.

– Спаси нас Владыка-Порядок, – пробормотал он, принимаясь за еду.

Шут отложил дудку и запел, сопровождая непристойные куплеты бесстыдными жестами.

Бродячие паяцы, объединенные по слухам во что-то вроде цеха, гуляли, где вздумается, дерзкими выходками смущали обычных людей, вносили кавардак в нормальную жизнь и позволяли себе осуждать Порядок. Но, как ни странно, церковь никогда не выступала против них и даже сурово наказывала тех, кто осмелился нанести обиду наряженному в багрово-желтый костюм человеку.

Случалось, что выглядящих настоящим воплощением Хаоса шутов признавали одержимыми и сжигали, но куда реже, чем обычных людей. И намного реже, чем фигляры того заслуживали.

Хорст успел расправиться с кашей и собирался выпить пива, когда шут закончил выступление.

– О, добродетельные господа, – гнусаво заканючил он, протягивая длинную, похожую на растянутый носок шапку с бубенцом на конце, – я развлекал вас по мере слабых сил и вполне заслуживаю скромного вознаграждения...

С трудом проглотив ругательство, Хорст полез за кошельком. Проявить сейчас жадность значило выставить себя на посмешище. Потерянная монетка не стоила мгновений позора, когда над тобой будут потешаться на виду у толпы.

– Благодарю, благодарю, – пробормотал шут, проходя мимо Хорста. Вблизи бродячий фигляр выглядел еще отвратительнее, чем издали, – улыбке не доставало зубов, одежда нуждалась в стирке, а ее хозяин – в посещении бани. Воняло от него, как от лошади в жаркий день.

Хорст потягивал пиво, не вслушиваясь в звучащие вокруг разговоры. В один момент ощутил, что на него кто-то смотрит. Повернулся и встретился с взглядом, в котором кипела яростная ненависть.

Высокий черноволосый редар, на одежде которого красовался ало-золотой герб, нехотя отвел глаза. Хорст удивленно заморгал. Чем он мог вызвать столь откровенную неприязнь у человека, которого видел первый раз?

Компания из нескольких благородных занимала лучший стол, и он казался настоящим островком тишины среди обычного для постоялого двора гомона. Редары и воины из свиты не смеялись даже во время выступления шута, а сейчас сидели прямые и надменные, словно каждый проглотил по палке.

Такой компании не к лицу связываться с бывшим сапожником, даже если его «повысили» до высокого звания гонца.

– Желаете остаться на ночь? – Когда донышко опустевшей кружки Хорста хлопнуло о стол, рядом тут же возник хозяин.

– Непременно.

– С этим некоторые сложности. – Глаза хозяина постоялого двора забежали, как у пойманного на месте преступления воришки. – Я могу предложить вам только одно место, не самое лучшее...

– И чем же оно плохо? – удивился Хорст. За время странствий ему не раз приходилось ночевать где попало: в стогах сена и даже на голой земле, и он был искренне уверен в том, что привык ко всему.

– У вас будет сосед.

– Ничего, переживу, – Хорст поднялся, – показывайте дорогу. Место оказалось в комнатке под самой крышей.

От проходящей трубы тут было тепло, а места едва хватало для табурета с прилепленным на него огарком и широкого продавленного лежака, покрытого драным одеялом. В одной из стен виднелось круглое окошко, затянутое бычьим пузырем.

Предполагаемый сосед, судя по всему, еще не явился.

– Ничего, сойдет, – сказал Хорст.

Хозяин с явным облегчением вздохнул и удалился.

Хорст снял сапоги и осторожно устроился на лежаке, боясь доломать его окончательно. Все тело ныло, в животе ощущалась приятная тяжесть. Едва успел улечься поудобнее, как тут же заснул.

Пробудился от прозвучавшего прямо над ухом, как показалось, грохота. Открыл глаза и не сразу вспомнил, где находится. В темноте рядом что-то возилось, сопело и чавкало.

– Кто здесь? – испуганно спросил Хорст, пытаясь припомнить, куда положил меч.

– Я... – ответил невнятный, но знакомый голос, – где эта Хаосом трахнутая свеча, разрази ее гром? Сейчас я...

Голос слегка дребезжал, и Хорст похолодел от неприятной догадки.

Чиркнуло кресало, во тьме засияла крохотная искорка, разгоревшаяся в пламя свечи. Дрожащий желтый свет упал на морщинистое розовое лицо, блестящую лысину, обрамленную седыми патлами.

– А вот и мы! – объявил шут заплетающимся языком. От него воняло пивом, как из бочки, и сомнений не оставалось, что фигляр изрядно пьян. – Ха-ха! Пора спать, ядрена мать!

– О, только этого не хватало! – пробормотал Хорст. В душе зашевелились подозрения, что ночь в компании такого соседа будет «веселой». – Ложись быстрее...

Шут махнул рукой, шумно испортил воздух, после чего принялся запирать разболтанный засов.

– Брось! – сказал Хорст, мечтая только об одном, чтобы поскорее стало тихо. – Зачем закрываешь?

– Надо! Иначе украдут мой колпак! И мешок! А какой я без них, к Хаосу, шут?

Спорить с пьяным – гиблое дело, так что Хорст сжал зубы и терпеливо ждал, пока шут запрет дверь и уляжется. Щуплый на вид старикашка рухнул на лежак с таким треском, словно весил не меньше трех десятков тяг, захрюкал, как отыскавшая лужу свинья. На мгновение воцарилась тишина, а затем комнатнушку огласил немелодичный и очень громкий храп...

– О, Владыка-Порядок! – Хорст застонал и обхватил голову руками. Невольно вспомнился родной дядюшка, у которого Хорст жил после смерти родителей. Тот храпел так, что раскатистые звуки сотрясали весь дом.

Но усталость вскоре взяла свое. И, несмотря на терзающие ухо ритмичные звуки, Хорст ухитрился заснуть снова.

Негромкий стук ворвался в сон подобно грому далекой грозы. В первый момент Хорст решил, что снова буянит сосед. Но тот продолжал равномерно похрапывать, а когда стук повторился, стало ясно, что он доносится от двери.

– Кто? – спросил Хорст сиплым спросонья голосом.

– Хозяин, – последовал ответ, – откройте!

Хорст дернулся, чтобы встать, но раздавшийся с другой стороны лежака возглас заставил его замереть.

– Не открывай, – очень тихо и серьезно проговорил шут. Когда он прекратил храпеть, Хорст не заметил.

– Почему?

– Это не голос хозяина. – В темноте послышался шорох – шут встал, на мгновение его фигура заслонила сияющие через окошко звезды.

– Откуда тебе известно?

– При моем ремесле нужно быть наблюдательным, – огрызнулся паяц, – и внимательным...

– Эй, открывай!.. – За дверью, похоже, начали терять терпение.

– Тогда кто?

– Те, кто пришли убить тебя, – филяр произнес эти слова спокойным, будничным тоном, как будто речь шла о чем-то банальном, но Хорст ощутил, как у него во внутренностях все смерзлось.

– Что? – только и смог пискнуть он. – Убить? Меня?

– Если не хочешь погибнуть сейчас, – шут приблизился к окошку, там что-то заскрипело, – то собирайся и одновременно тни время, разговаривай с ними, а то они что-то заподозрят...

– А если закричать? Или попробовать отбиться...

– Твой крик лишь приведет к тому, что они выломают дверь! – нетерпеливо прошептал шут. – На помощь других постояльцев не надейся, каждому своя шкура дороже... А насчет того, чтобы отбиться – видел я, как ты обращаешься с мечом, как его носишь... Если я правильно понимаю ситуацию, то врагов у тебя много, и они превосходно владеют оружием...

Хорст ощутил, как в голове у него что-то сдвинулось. Куда-то исчезло ощущение реальности происходящего, к счастью, прихватив с собой страх. Пропали мысли, он двигался четко и ловко, а губы шевелились сами, без всякого участия разума.

– Чего вам надо? Чего спать не даете?

– Отлично! – прохрипел шут, судя по треску, выдиравший из досок гвозди. – Вот, вот...

– Сказано тебе, открывай! – прорычали из коридора. – Или мы дверь ломаем!

– Сейчас, дайте встать...

– Лезь туда, быстрее. – Шут отшатнулся от окна, в комнату хлынул прохладный ночной воздух.

– Там же высоко!

– Тут к дому примыкает конюшня! Живее!

Обдирая бока, Хорст протиснулся в окно, уперся ладонями в шербатую черепицу. Едва успел сползти в сторону по крыше конюшни, как из комнаты донесся треск и грохот – ночные гости, похоже, вышибли дверь.

Тут же в окошко ловко, словно мизинец в перстень, проскользнул фигляр.

– Чего разлегся? – зашипел он зло. – Вставай! Побежали!

– Бремя Хаоса! – рявкнули внутри комнаты. – Мерзавец удрал!

Не помня себя от страха, Хорст на четвереньках ринулся вслед за шутом. Топоча по крыше и лязгая, точно медведь, которому подковали лапы, промчался до самого края, спрыгнул вниз. Больно ушиб ноги, что-то уперлось в бок.

На заднем дворе гневно залаяли собаки.

– Ходу! Ходу! – Шут дернул Хорста за плечо, тот вскочил и, ничего не видя, кроме мелькающей впереди гибкой фигуры, заспешил в темноту.

Сам не помнил, как перемахнул через высокий, в человеческий рост забор. Все казалось, что преследователи дышат в спину, вот-вот, и острый клинок мягко вонзится под лопатку...

И лишь посреди чистого поля немного очухался. В черном небе перемигивались звезды, под ногами шуршала трава, холодный ветер овеивал лицо, а собачий лай за спиной потихоньку стихал.

– Куда мы бежим? – прохрипел Хорст, ощущая, что в боку колет, а грудь готова лопнуть.

– В лес, – ответил шут, – там нас точно не догонят. И не болтай, побереги дыхание...

Хорст уныло подумал о том, что беречь, в общем-то, уже нечего, но замолк. Стыдно было осознавать, что бежит он куда хуже, чем дряхлый старикашка, потешающий народ по постоянным дворам и тавернам...

Лес замаячил впереди темной зубчатой стеной. Из мрака вылезли растопыренные ветви кустов, потянулись к глазам. Беглецы продрались сквозь малинник, будто два кабана, и оказались в царящей под кронами кромешной темноте.

Тут Хорст сдался.

– Хватит! – прохрипел он. – Я больше не могу...

– Ладно, – шут остановился, – привал. У этих Хаосом траханных редаров мозгов не хватит найти нас... Кстати, как тебя зовут?

– Хорст... Хорст Вихор.

– Славное имечко, – в руках шута что-то булькнуло, – а меня – Авти Болван. Давай тяпнем за знакомство, что ли?

– Что у тебя там?

– Это я тут... позаимствовал бутылку медовухи в одном месте. – Глаза потихоньку привыкали к темноте, и Хорст начал различать очертания спутника. – Сейчас она нам не мешает! Давай пей!

Пахнувший медом напиток обжег гортань и ухнул в желудок, откуда по телу шибанула волна тепла.

– Ну как? – спросил Авти.

– Нормально, – ответил Хорст, вытирая навернувшиеся слезы.

После второго глотка напряжение исчезло, и пощипывающий кожу ночной холодок отступил. Мысль о том, что медовуху шут, скорее всего, просто украл, не вызвала никаких эмоций.

– Так кто они были, те, которые пришли меня убивать? – спросил Хорст, когда Авти оторвал бутылку ото рта и с довольным кряхтением утерся.

– Видел благородных, что за центральным столом сидели? – отозвался шут. – Чопорных, как у князя на пиру?..

– А что им от меня понадобилось? Чем я им насолил?

Ты лично – ничем, – Авти уселся на землю, прислонился спиной к стволу, – просто им очень не понравилась та штучка, которая болтается у тебя на шее.

– Амулет? – Хорст впервые за день вспомнил о знаке мага, и неожиданная мысль обожгла его холодом: “А почему не сработала защитная магия, как тогда, во время нападения разбойников? Или убийцы должны были войти в комнату? Или просто чары развеялись?”

– Можно назвать его и так, – согласился шут, – но для типов из Чистой Лиги он все равно что красная тряпка для быка.

– Чистая Лига? – уточнил Хорст. – Это еще что такое?

– А так именуется объединение благородных, которые ненавидят магов и магию, – пояснил Авти и со скрежетом поскреб бок, – по слухам, их возглавляет кто-то из князей...

– Князей? – Хорст невольно ухватился за амулет, тот на ощупь был чуть теплым, точно внутри серебра горел крохотный огонек. – И что, они убивают всех, кто как-то связан с магами? И откуда ты о них знаешь?

– Знаю, – ответил шут грустно, – так уж вышло... Они считают, что магия – детище Хаоса, и стремятся к тому, чтобы уничтожить всех, кто с ней связан. Церковь о Лиге знает, но не препятствует ее существованию...

– И что же делать?

– Сейчас – отдыхать! – В голосе Авти прозвучали суровые нотки. – Остальное решим утром!

Глава 3. Дорога.

Проснулся Хорст от холода. Между стволов плыла сырая дымка, на востоке едва занимался рассвет. Потихоньку начинали щебетать птицы, неподалеку храпел Авти.

Но стоило бывшему сапожнику пошевелиться, чтобы размять затекшие конечности, как шут открыл глаза.

– Ага, уже не спишь, – сказал он хрипло, – а я думал, что пинками будить придется...

– Не придется, – мрачно отозвался Хорст. После суматошной ночной пробежки болели все мышцы, ныл ушибленный локоть, в носу хлюпало.

– Ну, сейчас перекусим, чем Владыка-Порядок послал, и в путь отправимся, – сообщил Авти, залезая в мешок, из которого рогом торчала дудка. – Так, что тут у меня есть...

– Как в путь? – опешил Хорст. – Мы не вернемся на постоянный двор? Там же моя лошадь!

– Забудь о ней! – посоветовал шут, вытаскивая слегка помятый каравай и окорок, явно тоже “позаимствованный”. – Ты что, не догадался? Доблестные редары из Чистой Лиги прибрали ее к рукам.

– Э... а хозяин? Он же...

– Что хозяин? – Вслед за снедью появилась знакомая Хорсту бутылка, в которой плескалась мутная жидкость. – Что он сделает против них? Это же благороднейшие люди округи! А откуда они узнали, в какой именно комнате ты ночуешь? От этого вертлявого типа с лисьей мордой...

Хорст сник. Как ни странно, за последнее время он привык путешествовать верхом, и пешее странствие казалось ему теперь очень неприятным.

– Не печалься. – Авти встряхнул бутылку, та забулькала. – Съешь чего-нибудь, выпей, а там решим, чего делать...

Только первый кусок Хорст проглотил безо всякой охоты. Дальше проснулся здоровый голод, и вскоре от шутовских припасов остались только крошки и воспоминания.

– Уф, – сказал Авти и сыто рыгнул, – жизнь стала лучше, жизнь стала веселее... Ну что, Хорст Вихор, жить хочешь?

– Хочу.

– Тогда придется тебе на время превратиться в моего ученика, – сказано это было совершенно серьезно, но Хорст поначалу решил, что собеседник шутит.

– Ученика? – переспросил он. – Зачем?

– Чтобы живым добраться до Вестарона, – Авти улыбнулся. – Там, как я понимаю, обитает твой маг?

– Там. – Хорст вообразил, как он кривляется на потеху толпе, и его передернуло. – И что, других вариантов нет?

– Ты можешь отправиться в путь один, – шут глубокомысленно оттопырил нижнюю губу и выпучил глаза, – но в одиночку тебе будет сложнее уйти от Лиги. А я знаю дороги, постоянные дворы и таверны до самого Вестарона, и все равно направляюсь в ту сторону.

– Ясно... – Хорст ощутил, как где-то в недрах души ожила подозрительность. – А почему ты мне помогаешь?

– Что-то мне подсказывает, что ты достоин лучшей участи, чем сдохнуть под мечами тупоголовых болванов из Лиги, – Авти легко, одним движением поднялся на ноги, – собирайся, пойдем... До ночи нам нужно оторваться от них как можно дальше!

– А ты что, сегодня не будешь работать?

– Нет, – шут воззрился на спутника с легким снисхождением, – сегодня же Великое Творение! Или забыл?

Хорст стыдливо потупился. После безумной ночи все вылетело из головы, в том числе и то, что на сегодня, шестнадцатый день Цветущего месяца, приходится восемнадцатое творенье года. Завершающий неделю день сам по себе праздник, а уж каждое шестое творенье – праздник особый...

В честь шести граней Святого Куба, символа Порядка.

– Запомню, – признался Хорст.

– Бывает. Ну-ка, примерь это, – Авти вынул из мешка оранжевую рубашу, выглядящую так, словно об нее точили когти сразу несколько кошек. – Ты теперь ученик шута, так что должен выглядеть соответственно... То есть по-дурачки!

Грязь на рубаше намекала, что дикого цвета одеяние использовали в качестве половой тряпки. Преодолевая брезгливость, Хорст натянул ее поверх кафтана. Рукава оказались коротки, а подол болтался где-то на уровне коленей.

– Красавец, – одобрил шут, – вот тебе еще алый кушак подпоясаться... Колпака не дам, он положен только настоящим паяцам! Так, меч сунь в мешок, он короткий, должен убраться. Амулет спрячь поглубже, под одежду, чтобы видно не было... Не вздумай снимать!

Похоже было на то, что Авти догадывался о свойствах магического знака. Вообще он знал слишком много для бродячего фигляра. Хорста во второй раз за утро одолели подозрения.

Они отправились в путь, когда солнце поднялось над горизонтом и зеленую плоть леса прорезали сотни золотых стрел-лучей.

– Вот и пришли, – сказал Авти, останавливаясь, – отличная полянка, вон там ручей. Переночуем с удобствами!

Хорст со стоном повалился на землю. Ноги гудели и отказывались держать тело. Никогда в жизни он не ходил столько и так быстро. Выглядевший дряхлым старикашкой шут целый день топал со скоростью двузильного коня, не выказывая признаков усталости.

Пробирались окольными, заброшенными дорогами. Передохнуть удалось один раз, вскоре после полудня, когда Авти завернул в попавшуюся по дороге деревню, чтобы купить еды, а Хорст, дожидаясь спутника, прятался в лесу.

Сидел в малиннике, сжимая в потной ладони рукоять меча и дрожа от страха. Боялся, что шут бросит его здесь, что настигнут идущие по следу редары из Чистой Лиги.

– Устал? – Авти преувеличенно высоко изогнул брови. – А кто хвороста нарубит? Или без костра обойдемся?

Ругаясь про себя, что связался с бессердечным насмешником в цветастом одеянии, Хорст поднялся на ноги и поплелся в заросли. Пока искал сушняк, солнце закатилось, и вечер плавно обратился в ночь.

– Уф, хорошо, – выдохнул шут, когда пламя с треском взвилось к небесам и во все стороны прыгнуло тепло. – Сейчас поедем и за дело!

– Как-кое дел-ло? – дрожащим голосом осведомился Хорст. Он мечтал только об одном – поскорее завалиться спать.

– Раз ты мой ученик, значит, я должен тебя учить, – сообщил Авти, – вот после ужина и приступим...

Хорст застонал. Он успел понять, что, когда его спутник говорит таким тоном, спорить и сопротивляться бесполезно. Жалости в крошечном лысом человечке было меньше, чем тепла – в куске льда.

– Ничего, – похоже, шут уловил недовольство ученика, но оно его нисколько не смутило, – потом благодарен будешь за науку... И не забудь вытащить меч, он нам пригодится!

Все время ужина Хорст размышлял, зачем в фиглярском ремесле нужно оружие, и никак не мог найти ответа.

– Ну, вставай, – проговорил Авти, когда они покончили с трапезой, и в руке шута непонятно откуда появился длинный и очень узкий кинжал с искусно украшенной рукоятью, – будем учить тебя тому, что в жизни всегда пригодится...

В последующий час Хорст осознал, что либо ничего не понимает в шутовском деле, либо паяцы в свободное время подрабатывают убийцами.

Постоялый двор выглядел бы совершенно обычно, если бы не огромная, с необычайным искусством нарисованная вывеска над дверью. Где хозяин нашел умелого художника и хорошие краски, оставалось только гадать.

Толстый красный бык умильно вытягивал губы к исполинской, с ведро, кружке, из которой лезла белая пена. На морде животного красовалось почти человеческое предвкушение блаженства.

– «Кружка и Бык», – сказал Авти, – сегодня мы будем работать тут...

– Зачем? У нас же еще остались деньги! – возразил Хорст. – Вдруг тут тоже имеются редары, принадлежащие к Лиге?

– За пять дней мы прошли больше тридцати ходов, – махнул рукой шут, – если в этой местности и есть благородные из «чистых», то о тебе они вряд ли знают. И, кроме того... мне нельзя слишком долго жить без выступлений. Я должен промышлять своим ремеслом, иначе возникнут большие проблемы...

– Да? – опешил Хорст, но уточнять не стал. Он привык к тому, что его спутник – человек со странностями, причем с такими, которых хватило бы на дюжину нормальных людей.

– Вперед, – Авти решительно затопал к дверям, – сегодня предтеча, народу должно быть много.

– А что делать мне? – за шесть дней в дороге Хорст немного научился тому, как держать меч, но ничего не узнал о ремесле фигляра.

– Будешь следить за моим мешком, – отозвался шут, берясь за ручку двери.

Авти не ошибся. Просторный зал оказался полон народа, а на небольшой площадке около очага надрылся бродячий сказитель, исполняя одну из песен «Сказания об Иходе».

Слушатели рассеянно внимали рассказу о том, как бежавшие от Хаоса люди пришли на Полуостров.

– А, очень, очень кстати... – Подскочивший хозяин, толстый, как копна сена, поглядел на Авти со странной смесью безразличия и радушия, Хорсту же достался несколько удивленный взгляд. – Лорант давно устал, пора его сменить...

– Вот мы и сменим, – Авти нагло улыбнулся. Сказитель с облегчением замолк и, вытерев потное лицо, удалился. Появление на его месте шута встретили дружным ревом и гоготом. Судя по блестящим глазам и раскрасневшимся рожам, собравшиеся были готовы для увеселений.

– Приступим, – шепнул Авти. Шут встряхнул колпаком, на кончике которого чуть слышно звякнул бубенец, и в его руках появились кинжалы.

Они порхали из ладони в ладонь, крутились и вертелись, точно живые, вспыхивали на мгновение, отражая пламя очага, танцевали на предплечьях, и только Хорст видел, как на коже Авти возникают новые и новые порезы, как багровый потек расползается по одному из рукавов.

Чем хорош яркий наряд шута – на нем не видно крови.

После кинжалов настал черед непристойных песен, хождения на руках и коронного номера с кувшином. Принимая от хозяина наполненную до верха посудину, шут зло прошипел:

– Тяжелый, Хаос его задери!..

И когда кувшин, вмещающий не меньше двух мер, с грохотом разбился о его макушку, Авти не позволял себе даже поморщиться, хотя струйки воды, сбегаящие по волосам, порозовели.

– Гоп! Гоп! Гоп-ля-ля! – заорал он истошно, как петух на рассвете. – Умереть бы, веселя! Кто же денег пожалеет, тот себе беду нагрее!

И Хорст, приняв от «учителя» колпак, отправился в обход толпы. В шапку сыпались в основном мелкие монеты, хотя изредка попадались и золотые фарины, а один раз проскользнула здоровенная шестиугольная сотня имперской чеканки. Хорст изумленно вскинул глаза. Чернородый купчина залихватски подмигнул ему и улыбнулся.

– Заработали честно, – сказал он. – Гуляйте!

На сотню можно было гулять не один день, а целую неделю!

– Отлично, – прохрипел Авти, когда «ученик» притащил добычу, – самое время подкрепиться...

На лысине фигляра после выступления осталась кровоточащая ссадина, руки покрывали свежие порезы, а сам он выглядел так, словно целый день таскал тяжеленные бревна – под глазами набрякли мешки, лицо заострилось.

Довольный выручкой хозяин усадил их за маленький столик в углу. Шут плотоядно улыбнулся подошедшей служанке, низкий вырез ее платья не скрывал тугих, сочных грудей.

– Где тебя можно встретить, милая?

– На кухне, – отозвалась служанка, споро выставляя на стол миски и кружки.

– А после работы?

– Там же! – И девица, блеснув зелеными глазищами, удалилась.

– Ух ты, строптивая! – усмехнулся шут. – Ну я еще доберусь до ее титек...

– Ты всегда так работаешь? – спросил Хорст. – Себя не щадишь?

– Всегда, – Авти устало улыбнулся, – иначе нельзя... для других это потеха, а для меня – дело жизни и смерти, даже больше, чем просто жизни и смерти.

– И мне так придется, если я останусь у тебя в учениках? – Хорст думал пошутить, но собеседник не принял веселого тона.

– У тех, кто состоит в нашем братстве, не бывает учеников, – ответил Авти предельно серьезно, – и ты никогда не сможешь стать настоящим шутом...

– Почему?

– Долго объяснять, – Авти отмахнулся, – но дело тут не в том, что ты плох. Давай лучше есть, а то остынет...

Обгладывая бараньи ребрышки, Хорст задумался над словами спутника. На самом деле, он ни разу не видел молодого паяца. Все они были старыми, если не сказать дряхлыми. Но откуда тогда берутся новые?

Одного кувшина пива Авти показалось мало, и он потребовал второй. Когда его принесли, то шут попытался ущипнуть служанку. Девушка ловко шлепнула его по руке.

– Ничего, я доберусь до тебя... – повторил Авти, и улыбка его показалась Хорсту злобной.

– Ну что, пора бы озаботиться ночлегом, – сказал бывший сапожник, следивший за тем, как местные гуляки, раскачиваясь и гогоча, покидают помещение, а гости пробираются к лестнице, ведущей вверх, к комнатам.

– Не уверен, что мы останемся тут, – загадочно ухмыльнулся Авти. Глаза его не отрывались от служанки, которая убирала со столов, и в каждом зрачке полыхал крохотный багровый огонек.

Это мало походило на отражение догорающих в очаге поленьев.

Хорст ощутил, как по спине расползается холодок.

– Что ты задумал?

– Потискать эту девицу и перепихнуться с ней, – отозвался Авти, облизывая губы, – уж больно она мнеглянулась...

– Ты спятил? Нас поколотят!

– Она и не пикнет! – Шут оскалил в усмешке немногие уцелевшие зубы, гнилые, как старые доски. – А мы сделаем дело и уйдем. А завтра на ее жалобы никто не обратит внимания – наверняка эту шлюшку время от времени подкладывают в койку богатым постояльцам.

Хорст с ужасом уставился на того, с кем путешествовал не первый день. Авти спас ему жизнь, помогал и учил, но что он за человек, бывший сапожник так и не смог разобраться. Временами Болван выказывал странную для бродячего фигляра осведомленность и казался чуть ли не мудрецом, а иногда превращался в гнусное порочное чудовище...

Как сейчас.

С постоялого двора они ушли последними. Хозяин приветливо улыбнулся и закрыл дверь. Хорст услышал, как за спиной прогрохотал запираемый засов.

– Иди за мной, – шепнул Авти, воровато оглядевшись, после чего шмыгнул за угол. Хорст, чувствуя, как колотится сердце, последовал за ним.

Тут имелась дверь, ведущая, скорее всего, на кухню, а к забору лепились сараи. Между ними и помойной ямой, откуда несло вонюю, густо разрослись кусты.

– Вот тут мы и засядем, – кровожадно облизнувшись, заявил шут. – Рано или поздно она выйдет, и тогда...

– А может, ну ее? Пойдем! – сказал Хорст. – Ты уж старый, зачем тебе эта девка?

– Старый, да удалый! – Глаза Авти сверкнули в полутьме. – Хоть и в годах, а почесать конец охота...

Отговорить приятеля не удалось, и Хорст, дергаясь при каждом шорохе, сидел рядом с ним. Постепенно темнело, сквозь несущиеся по небу облака проглянули звезды, взбирался на косогор неба месяц.

Служанка появилась, когда Хорст уже задремал. Авти рядом с ним вдруг дернулся, зашуршали раздвигаемые кусты. Шут нагнал девицу одним длинным кошачьим прыжком, ухватил рукой за талию, другой зажал рот.

– Молчи, сука! – Свистящий шепот прорезал ночную мглу. – Заорешь – убью!

Девушка вздрогнула, судя по сдавленным хрипам, попыталась вырваться, но Авти держал ее крепко. Сил у него, несмотря на малый рост и видимую дряхлость, хватило бы на пятерых.

– Сторожи, – велел шут, увлакивая трепыхающуюся жертву за кусты, – кто пойдет – свистнешь...

Раздался треск разрываемой одежды, а потом утробное сладострастное сопение.

Хорст сидел ни жив ни мертв, его все сильнее охватывало чувство гадливости, словно он измазался в навозе или проглотил какую-то пакость. Хотелось сбежать куда-нибудь подальше, чтобы не слышать доносящихся от самого забора ритмичных звуков.

На ночь остановились на берегу неширокой речушки. Вода в ней была удивительно прозрачной. В последних лучах заходящего светила Хорст разглядел ленты водорослей, мечущихся среди них рыбок, похожих на ожившие капли серебра.

Потом стало не до любования красотами. Авти затеял то, что скромно называл «уроком». Хорст битый час скакал с мечом в руке, уклоняясь и атакуя, а наставник в костюме паяца знай себе покрикивал на ученика, не забывая больно его наказывать за каждый промах.

Судя по умению владеть оружием, Болван не всегда был шутком.

К окончанию урока Хорст дышал как загнанный конь, а рубаху и штаны можно было выжимать.

– Сегодня двигался ничего, – сказал Авти, убирая кинжал. – От пары безруких инвалидов ты бы отбил...

– Вот всегда ты язвишь, – Хорст со стоном размял уставшее запястье, – нет бы ободрить...

– Не мое это дело – ободрять, – шут зевнул, потянулся так, что захрустели суставы, – спать пора!

Хорст не успел умыться, как Авти растянулся около прогоревшего костра и принялся негромко похрапывать. Бывший сапожник помолился и лег с другой стороны от огня. Но сон не шел, будто его отпугивала ломота в мышцах.

Хорст бездумно смотрел вверх, глядя, как ползет по небосклону луна. Когда прозвучал первый крик, он испуганно подскочил и ухватился за рукоять лежащего рядом клинка.

– Что? Где?

– Ааааа! – Истошный, хриплый вопль раздался от того места, где расположился Авти. – Аааааа!

– Что такое, во имя Владыки-Порядка? – Хорст спешно бросил в костер охапку хвороста и обомлел. Пламя с треском поднялось, осветив лежащего на спине шута. Глаза у него были закрыты, а на коже, кажущейся желтой, выступили крупные капли пота.

Внешне Авти не изменился. Но не успел Хорст опомниться, как тело шута скрутила жестокая судорога, бородатое лицо задергалось, а изо рта вырвался полный боли крик.

– Ааааа!

Так мог орать истязаемый, но никак не мирно спящий!

Хорст спешно подскочил к Авти, схватил за плечи и встряхнул. Голова шута мотнулась, но глаза на искаженном лице так и не открылись.

– Проснись! Проснись! – Удары по щекам тоже не подействовали. Авти, судя по всему, пребывал во власти кошмара, что-то неведомое, незримое не желало отпускать жертву. – Что делать, помилуй меня Владыка-Порядок?

Хорст беспомощно огляделся. Взгляд упал на флягу, в которой они таскали воду. Подхватив ее, бывший сапожник метнулся к журчащей во мраке реке. Спешно наполнил посудину и побежал назад к Авти, который принялся ритмично стонать.

От выплеснутой в лицо холодной воды шут вздрогнул, рывком отшвырнул одеяло и сел. Широко распахнувшиеся глаза фигляра казались окошками, за которыми зияла бездна ужаса.

– Что? – дребезжащий голос звучал непривычно низко, почти басом. – Где я? Что происходит?

– Ты кричал, – сказал Хорст, откладывая флягу. – Орал, как будто тебя режут...

– Правда? – Авти с трудом, кряхтя, кое-как встал. Руки его тряслись, точно с похмелья, а ноги подгибались.

– Страшный сон приснился? – предположил Хорст.

– Сон? – Шут на мгновение задумался. – Да, трахнутый Хаосом сон... да, да...

Он добрался до реки и некоторое время шумно плескался, будто медведь, ловящий рыбу. Когда шут вернулся, то выглядел почти обычно, только глаза у него были непривычно потухшие, мрачные.

– Со мной такое бывает, – сказал Авти, усаживаясь, – в следующий раз не обращай внимания. ЭТО должно пройти само. Вот ты сегодня прервал... сон, и, когда я усну, он вернется вновь. Понял?

– Да, – Хорст кивнул. – Может быть, тебе нужен лекарь? Или служитель Порядка?

– Ты еще предложи к магу обратиться, – невесело усмехнулся Авти, – нет, с ЭТИМ мне никто не поможет... так надо... Вот завтра поработаем, и все будет в порядке...

Два дня, прошедших после того, как Авти изнасиловал служанку, они только убегали. Слух о случившемся непостижимо быстро разнесся по окрестностям, и, сунувшись в следующую по дороге деревню, шут с «учеником» едва унесли ноги от разъяренных мужиков.

После этого старались держаться подальше от людей и дорог, пробирались по глухим тропам. Авти весело насвистывал и не казался обеспокоенным.

– Да будет с нами сила Владыки-Порядка, – пробормотал Хорст, вновь укладываясь спать, и осенил себя знаком Куба.

Пробудившись вскоре от диких воплей, он лежал не шевелясь и думал о том, что приступы Авти так же мало похожи на обычный кошмар, как и на угрызения внезапно проснувшейся совести.

– Хоп! Хоп! Получишь в лоб! – Дребезжащий голос Авти звучал, по мнению Хорста, так же весело, как карканье ворона, усевшегося на трупе, но зрители просто разрывались от хохота.

Шут ходил колесом, кувыркался, а потом засунул в рот горящий факел, а когда вытащил, тот запылал пуще прежнего. От «ученика», как обычно, требовалось немного – быть на подхвате, а после завершения представления с колпаком в руке обойти зрителей.

Хорст собственные обязанности изучил хорошо и сейчас просто ждал.

Надув щеки и выпучив глаза, Авти изобразил жадного теарха, вымогающего у прихожан деньги. Смех стал несколько напряженным, и немало взглядов было брошено на расположившегося в углу пожилого служителя. Но тот оставался спокоен, и только слабая улыбка блуждала по его губам.

– Иди собирай деньги. – Тяжело дышащий Авти появился рядом с «учеником».

Хорст отправился в обход. В шапку сыпали охотно, служитель кинул гость серебра и благосклонно улыбнулся, а сидящие за большим столом купцы встретили бывшего сапожника дружным ревом:

– Молодцы!..

– Где твой старший?.. Тащи сюда!..

– Напоим и накормим!..

Упускать такой случай было бы глупо, и вскоре Хорст и Авти сидели на длинной лавке, зажатые между могучими купеческими тушами, а воздух дрожал от громогласных тостов.

– Чтоб нам всегда было весело так же, как сегодня!..

– Пусть нам улыбается удача!..

– Да сгинут разбойники!..

Пиво обильно лилось на пол, столешницу и одежду гуляк, глаза у всех были осоловелые, дикие.

– Куда идете, ребята? – Сосед Авти, толстый, как откормленный боров, был не прочь пообщаться.

– В Вестарон, – ответил шут.

– Ага, – купец глубокомысленно огладил бороду, – почему бы вам не поехать с нами? Место на телегах найдем. Чего ноги портить?

– Соглашайся, во имя Владыки-Порядка, – шепнул «учителю» Хорст.

– Не нравится мне это, – неожиданно угрюмо пробормотал Авти, но к купцу повернулся с любезной улыбкой: – Благодарю за предложение. Рады будем путешествовать вместе с вами!

– Вот и отлично! – Толстый купец ослабилась и с такой силой хлопнул шута по плечу, что едва не сбросил того с лавки. – Вряд ли мы завтра выедем рано, но к полудню, думаю, соберемся...

Гулянка продолжалась. Кое-кто успел свалиться под стол, другие на заплетающихся ногах уползли наверх, в комнаты, но самые стойкие пока держались. Орала песни, клялись друг другу в вечной любви, колотили по столу тяжелыми кулаками. Доски жалобно трещали.

– Надо сматываться, – проворчал Авти, когда между двумя купцами возник жаркий, но совершенно невнятный спор, – а то они сейчас драться начнут...

Никто не заметил, как они ушли. Поднимаясь по лестнице, Хорст слышал за спиной насадные вопли и глухие удары, словно кто-то избивал ком теста.

– А этот толстый не забудет, что обещал нас с собой взять? – поинтересовался Хорст, открывая дверь отведенной для них комнаты.

– Не забудет, – Авти загадочно ухмыльнулся и, вытащив из кармана плотно набитый кошелек, подбросил его в ладони, – а если чего, то мы с помощью этой штуки ему напомним...

– Ты что, украл? – Хорст удивленно заморгал.

– Нет, он мне сам отдал! – Шут растянул рот от уха до уха и высунул длинный язык. – На время!

– Ты рехнулся! Да если это вскроется, нам не поздоровится! Ведь могут не только поколотить, но и прикончить!

– Тише, не ори, – Авти поморщился, – еще не хватало, чтобы в соседних комнатах узнали о моих «подвигах». Завтра я верну кошелек этому растеряхе и скажу, что он его выронил. Устраивает тебя такой трахнутый Хаосом вариант?

– Да. Но тогда непонятно, зачем ты крал?

– Потому что так надо, – фигляр посерьезнел. – Думаешь, мне доставляет удовольствие напиваться, лгать, воровать, насиловать?

– Ну, когда ты волок ту девицу в кусты, я не видел на твоем лице отвращения, – откровенно заметил Хорст, – да и пиво с медовухой в тебя словно сами затекают.

– На самом деле я сам себе противен. – Авти сгорбился, возраст, который до сих пор было трудно заметить за бодростью и показной бравадой, проявил себя во всей «красе». Хорсту вдруг почудилось, что рядом с ним сидит труп – высохшая кожа, бесцветные волосы, темные провалы на месте глаз, – но я должен время от времени совершать эти... поступки, так же как и работать. Иначе все будет очень скверно...

– Для кого?

– И для меня, и окружающих... – Шут встряхнулся, как вышедшая из воды собака, голос его вновь стал жизнерадостным и ехидным. – Наболтал я тут тебе всякой ерунды! Спать пора!

Поняв, что Авти ничего больше не скажет, Хорст помолчился и лег. Фигляр долго что-то бормотал себе под нос, ворочался, но потом утомился. В наступившей тишине стало слышно, что пьянка внизу еще не закончилась. Судя по воплям, там пересчитывали друг другу зубы.

Путешествие с купеческим обозом оказалось еще более медленным, чем пешее, но зато куда менее утомительным. Телеги, запряженные могучими тяжеловозами, неторопливо катили по дороге. Из-под колес взвивалась пыль, солнце палило с неба, а из травы доносилось яростное стрекотание кузнечиков.

Хорст лежал на мешках с чем-то мягким и вслушивался в ленивую перебранку Авти с возницей. Спорили они без души, больше для развлечения, и предмет для разногласий выбрали исключительно важный – женщин.

– Все они, бабы, только и ждут, когда ты к ним под юбку полезешь! – доказывал шут. – Спят и видят!

– Как же! – не соглашался возница, дородный мужик с хитрым взглядом. – Попробуй-ка залезь под юбку к ясене нашего хозяина, а я посмотрю, как она тебя скалкой отделает!

Старший обоза, тот самый толстый купец, ехал на лошади впереди телег. Свершившееся утром возвращение кошелька он воспринял с нескрываемой радостью, а подозрения одного из подручных, что фигляр сам и стащил деньги, отверг сразу.

– Хоть бы облаков нагнало, что ли, – пробормотал Хорст, созерцая пышущее жаром небо.

Чем ближе был Вестарон, тем сильнее бывшего сапожника терзало беспокойство. В столице княжества его ждал маг, грозный и непредсказуемый господин.

Явление посыльного, не выполнившего поручение, да еще и потерявшего лошадь, вряд ли обрадует чародея. Хорст не без оснований полагал, что Витальф Вестаронский разгневется и уж точно не отпустит его на свободу. Скорее, накажет каким-нибудь жутким образом...

В голове вертелось одно: пора уносить ноги. Амулет не защитил хозяина от нападения благородных из Чистой Лиги и, судя по этому, растерял силу. Хорст не пробовал его снять из боязни да еще из-за того, что привык к болтающейся на шее побрякушке и большую часть времени не замечал ее.

Окончательно решился к вечеру. Ночь – лучшее время, чтобы улизнуть. Никто не станет задавать вопросов, куда отправляется ученик шута. И с самим Авти не придется прощаться. Тот сделал для Хорста много, но одновременно с благодарностью и даже восхищением вызывал ужас и омерзение.

Раньше Хорст не думал, что можно испытывать столь противоречивые чувства к одному человеку.

– Становись!

Зычный голос толстого купца донесся от головы обоза, когда солнце коснулось боком верхушек деревьев, а небо приобрело желтоватый вечерний оттенок. На юге, окутывая вершины гор, клубились темные облака, доносилось приглушенное гроыхание.

– Эх, дождя бы, – пробормотал Хорст, сползая с телеги. За день отлежал все бока, а задница ныла не хуже, чем после скачки верхом.

На ночлег в этот раз встали прямо в лесу, на вытоптанной прогалине у реки. Купцы уселись в кружок на берегу, с хлопком вышибли донышко у бочонка с пивом. Авти отправился их развлекать, а Хорст вместе с возницами натаскал хвороста, помог развести костер и принялся ждать ужина.

Он хорошо помнил, что ходом ранее обоз миновал развилку. Менее торная дорога вела на север. Если дойти туда и свернуть, то недели через три, если Владыка-Порядок сохранит от разбойников и наемников, можно добраться до родного Линорана.

Или, может, снова отправиться бродяжничать в поисках пристанища, где удастся благополучно перезимовать? В мешке дожидались своего времени инструменты, а руки Хорста давно соскучились по любимой работе. После ужина и вечерней молитвы он лег на самом краю походного лагеря, вокруг которого возницы расставили телеги. Ближние подступы охраняли дозорные, но Хорст надеялся проскользнуть мимо них незамеченным.

Он дождался момента, когда лагерь затих, и только негромкое клокотание воды и свист ветра в вышине нарушали тишину. По небу ползли тучи, которые скрыли звезды и погрузили землю во мрак.

Тускло светились багровые угли в прогоревшем костре.

Хорст поднялся и осторожно, крадучись, двинулся к ближайшему проходу между телегами. Проскользнул наружу и замер, стараясь на слух определить, где расположился ближайший дозорный.

Сделать это оказалось несложно – из тьмы донеслось бульканье, сменившееся довольным кряхтением. Бравый воин делал все, чтобы не заскучать во время ночной стражи.

Хорст опустил на четвереньки и пополз в противоположную сторону. Рискнул распрямиться, только когда над головой зашелестели листья, и едва не вытер лицо о шершавый ствол.

В лесу его окутал крошечный мрак, идти приходилось медленно, нащупывая путь. Хорст обошел лагерь по дуге и выбрался на дорогу. Оглянулся последний раз, вздохнул с облегчением и зашагал на восток.

Прочь от Вестарона и тамошнего мага. К свободе..

Он не успел пройти и хода, как от земли стал подниматься туман. Сначала Хорст не обратил на него внимания, но когда белая дымка достигла уровня головы и принялась густеть, забеспокоился.

Белесые клубы плыли совершенно бесшумно, в них чудилось какое-то движение, вдали мелькали голубоватые и зеленые огоньки. Туман взвивался все выше, звезды потихоньку гасли, заслоняемые струящейся белизной.

Исчез ветер, стихло гулкое совиное уханье. Хорст видел только дорогу и обочины, а слышал лишь судорожные удары собственного сердца.

– Это самый обычный туман, – пробормотал он, больше всего на свете боясь услышать зловещий шелест сыплющегося песка, – ничего страшного... такое бывает...

Шаги гулко отдавались в сгустившейся тишине, Хорст, сцепив зубы, упрямо двигался вперед, а когда туман начал потихоньку рассеиваться, облегченно вздохнул. Вытер пот с взмокшего лба и остановился, точно налетев на стену.

Не далее как в полусотне шагов виднелись стоящие кругом телеги, а чуть дальше журчала река.

– Как так? – растерянно спросил Хорст. – Это я что, заблудился?..

Сомнений не оставалось – он вернулся к лагерю, который покинул не так давно.

Вспомнилась кухня в доме на центральной площади Вестарона, коридор, из которого невозможно было выйти и который странным образом был закольцован.

– Нет! – Хорст осенил себя знаком Куба. – Я просто заблудился в этом проклятом тумане! Надо попробовать еще раз!

Он развернулся и вновь затопал туда, где через тучи, похожие на закинутые в небеса дырявые одеяла, пробивалось серебристое марево поднимающейся луны.

Туман, последние клочья которого вроде бы растворялись в прохладном воздухе, вновь за клубился вокруг. Неторопливо и бесшумно он окружил Хорста, словно заключил его в сферу из матовой белизны.

– Владыка-Порядок! – только и смог пробормотать Хорст, обнаружив, что вновь приближается к спящему обозу. – Не может быть!

Сомнений не оставалось – по дороге ему не уйти.

Страх заставлял сердце болезненно сжиматься и подсказывал легкий выход – вернуться в лагерь, отказаться от попытки бегства. Настойчиво намекал на то, что вслед за безобидной дымкой явятся настоящие ужасы. Но в этот раз Хорст решил не поддаваться собственной трусости.

Он пробормотал молитву Порядочному Хенфти, покровителю Линорана, свернул с дороги и затопал прочь от тракта, прямо на север.

Протиснулся через густые заросли орешника и зашагал между деревьев. Туман появился почти сразу.

– Врешь, не одолеешь! – прохрипел Хорст. Он отчаянно ломился сквозь лес, надеясь уйти подальше от повозок до того мгновения, когда туман начнет заворачивать его обратно.

Вытащил из-за ворота давно не появлявшийся на свет знак мага. Голова рыси была теплой, как полежавший на солнце камень, а глаза ее горели двумя крошечными огоньками...

Хорст рванул цепочку, надеясь сорвать проклятый амулет, но тот будто прирос к коже. Дернул еще раз и вскрикнул от боли, стегнувшей по спине. Ощущение было такое, словно пытался выдернуть наружу собственный хребет!

– Я не сдамся, во имя Владыки-Порядка! – пробормотал он. – Уйду, уйду...

Голова закружилась, по телу стремительно растекалась слабость. Чтобы не упасть, Хорст остановился и оперся руками о ближайшее дерево. Но внезапно ствол зашевелился, а под пальцами оказалась не кора, а покрытая слизью холодная чешуя. Бывшему сапожнику стоило невероятных усилий заглушить крик, рвавшийся из горла.

Хорст попытался отшатнуться, но превратившиеся в щупальца ветви ухватили его и потянули к открывшейся в «стволе» широкой пасти, из которой веяло зловонием выгребной ямы...

– Нет! Нет! – как он вытащил меч, сам не понял, но руки все сделали очень умело. Клинок вонзился в чешуйчатое тело, и по ушам ударило злобное шипение.

Стоящее перед ним дерево выглядело вполне обычно, а меч углубился в ствол на добрую ладонь. Хорст судорожно сглотнул и вытащил клинок.

Туман так же клубился вокруг, но ничего опасного в себе не таил. Неужели он сумел победить морок, одолел силу проклятого амулета?

Сделал шаг и ощутил, что проваливается...

Земля под ногами превратилась в нечто вязкое и непередаваемо вонючее. Хорст дернулся, пытаясь вырваться, ощутил, как погружается глубже, как по бедрам ползет вверх липкая грязь.

И в этот момент ему на плечо опустилась чья-то рука.

Глава 4. Горцы.

– Аааа! – Хорст подпрыгнул, ткнул мечом назад, не сразу сообразив, что ноги не ощущают тверди.

Меч вывернулся из пальцев, запястье обожгла боль.

– Ты что, свихнулся? – почти ласково проговорил Авти, крутя в руках отобранный у «ученика» клинок. – Зарезать меня хочешь?

– Вы-ва... ыыы... – Хорст с трудом усмирил трясущиеся челюсти. – Что ты тут делаешь?

– Грибы собираю, – ответил шут, оглядываясь, – а на самом деле пытаюсь спасти одного дурака, который сунул голову в петлю и намеревается выбить из-под себя чурбак...

Белесый туман продолжал клубиться вокруг.

– Я должен, должен бежать, – забормотал Хорст, – не хочу в Вестарон, к магу!

– У тебя ничего не выйдет, – Авти взял приятеля за предплечье, хватка его сухощавой длани оказалась на редкость крепкой, – ты попал, как муха в паутину, и освободить тебя сможет только тот, кто ее сплел!

– Но я хочу быть свободным!

– Тебе никогда не приходило в голову, что свобода не только в том, чтобы сопротивляться, а еще и в том, чтобы подчиняться? – Фигляр настойчиво подтолкнул Хорста в бок. – Пойдем, а то в этом тумане ты будешь бродить, пока не умрешь от страха.

Хорст ощутил, что тело сотрясает крупная дрожь, и понял, что у него нет сил сопротивляться. Он послушно поплелся вслед за Авти, точно теленок за коровой, а туман рассеивался, редел, растворялся во мраке.

– А как ты меня разыскал тогда ночью?.. – Одно из колес телеги наехало на кочку, и Хорст едва не прикусил язык.

– Легко! – За обычным язвительным тоном Авти умело прятал свои мысли.

Осознав, что встречи с магом не избежать, Хорст погрузился в тупое оцепенение. Весь день лежал молча и глядел в одну точку. То, что он начал задавать вопросы, выглядело хорошим знаком.

– Для того, кто умеет видеть, обнаружить твой след не сложнее, чем вляпаться в кучу дерьма.

Ночной отлучки шута и его ученика никто не заметил.

Утром обоз, как обычно, двинулся в путь и к вечеру Должен был достигнуть Вестарона. Дорога сделалась оживленной. Топтали пыль нищие, скакали благородные, бряцая оружием и кольчугами, скрипели колеса телег.

– Да? – Хорст вздохнул, почесал затылок. – Почему этот проклятый амулет не подействовал той ночью, когда на нас напали? Я думал, он потерял силу!

– Не знаю, я же не маг, – Авти пожал плечами. – Но ничего, сегодня вечером ты либо избавишься от этой побрякушки, либо тебя превратят в симпатичную зеленую жабу в здоровенных бородавках!

Бывший сапожник даже не улыбнулся.

Что-то свистнуло над ухом. Хорст вздрогнул и оторопел: возница, хрипя, повалился на бок, а из горла у него торчал толстый прут, украшенный пестрыми перьями.

– Нападение! – рявкнул Авти. – Пригнись!

Стрелы сыпались одна за другой, слышались испуганные крики и ржание лошадей. Один из наемных охранников, легкомысленно оставшийся без шлема, получил стрелу в лоб и рухнул наземь.

Хорст припал к мешкам, рука нащупала меч. Страх не было, если амулет действует, то он защитит хозяина от всяких посягательств.

– Аржжж! – Кусты на обочине затрещали, и из них выскочил невысокий широкоплечий человек с гривой пепельных волос. Ударом огромного, чуть ли не в собственный рост, топора он подрубил ноги ближайшей лошади и пинком в висок оглушил упавшего всадника.

Когда обернулся, то Хорст увидел, что на смуглом, почти черном лице горят алые глаза.

– Горцы! – отчаянно прохрипел Авти. – Мы пропали!

Шут в отчаянии метнул кинжал, но тот бессильно звякнул о нагрудник и отскочил в сторону.

Первое впечатление Хорста оказалось ложным – нападающие не принадлежали к людской расе. Обитатели гор, именующие себя холиастами, жили на Полуострове еще до прихода людей.

На пепельноволосого налетел один из купцов, взмахнул мечом. Горец отразил его удар, а ответным выпадом отрубил человеку ногу. В стороны брызнула кровь, раненый рухнул наземь. От вибрирующего, полного ужаса воя заложило уши.

Из кустов один за другим лезли воины-горцы. Хорст смотрел на них как замороженный.

– Сражайся! – Вопль Авти долетел до него словно издалека.

От набегов горцев страдали все без исключения княжества, девять лет назад несколько тысяч холиастов, грабя и разрушая все по пути, дошли аж до моря и сумели вернуться назад.

Более мелкие налеты случались каждый год. Князья вели бесконечные переговоры о совместном походе в горы, но никак не могли условиться о том, кто его возглавит, а страдали из-за их самолюбия простые люди.

Хорст спрыгнул с телеги, увернулся от просвистевшего рядом огромного топора. Ткнул мечом почти вслепую, лезвие со скрежетом проехало по кольчужным кольцам.

– Аржжж! – Боевой клич прогремел оглушающе, и что-то тяжелое ударило прямо в ухо.

Меч вывалился из ослабевшей руки, а Хорст отлетел в сторону, шарахнулся затылком о что-то твердое. Перед глазами вспыхнули яркие разноцветные звезды. Через мгновение их поглотила негромко гудящая темнота.

Когда Хорст очнулся, то сразу почувствовал резкий неприятный запах. Он лежал, уткнувшись лицом во что-то лохматое, а животом упирался в какой-то уступ. Голова раскалывалась от боли, ухо горело. Попробовал пошевелиться и обнаружил, что руки и ноги крепко связаны.

С некоторым трудом поднял голову и открыл глаза.

Прямо перед ними была серая грязная шерсть, ниже виднелась земля. Судя по всему, Хорст висел поперек седла на спине какого-то животного. Краем уха слышал негромкое похрюстывание – животное щипало траву.

– Ага, живы, – рявкнул кто-то рядом. Судя по акценту, один из горцев. – Знаэш тэпэр, как бьэт мой кулак!

Вслед за первым послышались другие голоса. Они звучали странно для человеческого уха, да и язык был необычным – он состоял почти из одних гласных. Слова произносились очень быстро, так что создавалось впечатление, будто разговаривают громадные птицы.

Беседа оборвалась, хлопнул бич, животное под Хорстом недовольно всхрапнуло и сдвинулось с места. Земля внизу пришла в движение. Хорст ощутил, как накатывает тошнота, и прикрыл глаза.

Его подбрасывало и качало, седло впивалось в живот, мучительно хотелось пошевелить конечностями. В голове скакали рваные мысли, точно вспышки во мраке возникли вопросы: что случилось с Авти, жив он или погиб? Почему амулет и на этот раз не защитил хозяина? И куда везут пленника холиасты?

От тряски головная боль усилилась, Хорсту казалось, что у него вот-вот лопнет череп.

А затем просто потерял сознание.

Очухался, когда щеки обожгла ледяная вода. Слизнул с губ холодные капли и судорожно закашлялся.

Рядом загоготали.

– Живой, – проговорил уже знакомый голос – Пэы, пока даут!

С трудом поднял веки, перед глазами все плыло. Про-моргавшись, разглядел несколько приземистых фигур. Холиасты смотрели на пленника равнодушно, а за их спинами виднелись горы. Вблизи они казались теперь более высокими и внушительными, чем в Вестароне. Заходящее солнце окрашивало белые вершины в розовый цвет.

– Пэы, – повторил один из холиастов со шрамом на лице, – иначе помрэш...

Хорст жадно глотал льющуюся в рот воду, а когда ее поток иссяк, откинулся на спину.

– Ну что, как ты? – прозвучал рядом знакомый голос, и Хорст ощутил, как сердце радостно подпрыгнуло.

– Ты жив? – Повернувшись, он обнаружил лежащего неподалеку Авти, а за ним других пленников, среди которых оказался и толстый купец. Все они были связаны, на лицах красовались синяки и ссадины.

– Как видишь, – с кривой усмешкой отозвался шут. – Хотя вполне может статься, что предпочел бы быть мертвым!

– Что, в плену нас ждет что-то страшное? Зачем холиасты берут пленников?

– Кто их знает? – Авти пошевелил плечами, лицо его перекошилось. – Я с этими красноглазыми отродьями Хаоса пива не пил. Поговаривают, что людей они используют как рабов, да еще приносят в жертву своим кровожадным богам...

Хорст вздрогнул, беспомощно огляделся. На востоке в блестящей глади небольшого озера отражались горы, вокруг простирался густой сосняк. Между золотистых стволов прохаживались холиасты, слышались их голоса, равнодушно жевали жвачку похожие на мохнатых низкорослых лошадей животные.

– Это фроны, – предвосхищая следующий вопрос, сообщил шут, – горные кони.

– А в каких богов верят холиасты? – Хорст дрожал от внезапно накатившего страха.

– Мне лишь известно, что их много, – шут невесело усмехнулся, – и думаю, что ты скоро все узнаешь... А жертву они приносят, вырывая сердце и возлагая его на алтарь!

К горлу подкатил комок. Хорст с трудом сглотнул его и мигом вообразил, как острое лезвие вонзается под ребра, вспарывает грудь...

– Владыка-Порядок, помилуй нас, – пробормотал он, – а ты сам, Авти, во что веришь? Я ни разу не видел, чтобы ты молился.

– Я стеснительный, – буркнул шут. Резкий поворот темы его вовсе не смутил, – и к тому же вынужден тебя разочаровать. Я не поклоняюсь Хаосу. А службы в святилищах, причащения и покаяние – это не для меня. Мы все дети Порядка, и для того, чтобы обратиться к нему, не нужны ни молитвы, ни толстые придурки в белых одеждах...

Хорст так удивился, что на мгновение забыл о страхе перед холиастами. Авти нес откровенную крамолу. Попробуй высказать такое обычный человек, его бы тут же заподозрили в одержимости Хаосом. Но бродящим по дорогам старикам, наряженным в цветастые одежды, церковь прощала многое, почти все. Простила бы и такие слова.

– Ну, а в общем, – добавил фигляр вполголоса, – ты от меня ничего такого не слышал, а я ничего не говорил...

Осторожность не вредила еще никому, в том числе и паяцам.

– Так! Слэзаы! – Хорст ощутил, как кто-то распутывает веревки, которыми его привязали к спине фрона, потом сильные руки подхватили пленника и поставили на землю. Ноги едва не подогнулись, а голова закружилась. – Тэпэр сам шагаы!

Хорст не сразу понял, что ноги его свободны. До сих пор пленников везли словно груз, привалы делали два раза в сутки, а остальное время шли, шли и шли. Холиасты казались неутомимыми, как и их маленькие неказистые кони, и двигались с чудовищной скоростью.

Конные воины из княжьей дружины или отряда кого-либо из редаров, обязанных защищать людские земли от набегов, не имели шансов угнаться за горцами, и надежды Хорста на то, что их освободят, постепенно таяли.

Пленников не кормили, только давали напиться на привалах, и после двух суток такой жизни в животе ощущалась пустота, а в мышцах – болезненная слабость. Замысел холиастов был понятен – у голодного не хватит сил на бунт или побег.

– Эх, красотища какая! – прошептал рядом кто-то из пленников.

Хорст переждал, когда головокружение отпустит, и только потом открыл глаза.

Горы высились рядом. Исполинские каменные тела возносились к небесам, окутанные снегом вершины казались шапками из белоснежного меха. За первым рядом хребтов виднелся второй, еще более высокий, темными морщинами выглядели ущелья, ранами – перевалы.

– Пошли, пошли. – Хорста подтолкнули в спину, и он шагнул вперед.

Едва заметная тропка вилась среди округлых серых валунов, довольно круто поднимаясь вверх. Фроны, которые сейчас бойко цокали копытами по камням, вряд ли бы прошли тут с грузом.

Солнце опустилось за горизонт, стало темнеть, а ветер похолодал. Горцев мрак не смутил, они зажгли факелы и продолжали идти вперед. Глаза их отражали свет, как у громадных кошек.

Остановились только в полночь, когда выбрались на большую, сравнительно ровную площадку.

Ощущая, что сил в измученном теле больше не осталось, Хорст со стоном рухнул на землю. Рядом падали товарищи по несчастью, хрипел что-то злое Авти, за два дня похудевший до состояния обтянутого кожей скелета.

Холиасты развели костер, водрузили над ним огромный котел. Обычная их еда – варево из крупных бурых зерен – отвратительно воняла, но сегодня этот неприятный запах показался Хорсту аппетитным.

– Мы же сдохнем с голоду, – пробормотал он бездумно, – почему они нас не кормят?

– Сегодня накормят, – отозвался Авти, – им пленники нужны живые, а не просто трупы...
Одного не понимаю, зачем они прихватили с собой меня? Ведь видно же, что я старик. Или горные боги любят жесткое мясо?

В наступившей тишине было слышно, как жуют и переступают с ноги на ногу привязанные неподалеку фроны, как бурчит у них в животах. От костра доносилась странная песня, похожая на вой ветра в скалах. Слов Хорст не мог разобрать, но настроение – дикую безысходную тоску – почувствовал.

– Поют... – пробормотал он, – почти как люди... А знаешь, о чем я думаю все это время?

Шут ответил не сразу, а когда отозвался, то голос его звучал глухо, как у тяжело больного.

– О чем?

– Почему амулет не защитил меня от холиастов? Ведь когда на меня напали разбойники, от них остались только трупы...

– Магия не подчиняется правилам обычной жизни, – сказал Авти без особой уверенности, – это топор – всегда топор, и ты в любой момент можешь наколоть им дров или зарубить врага. А амулет действует только тогда, когда это входит в планы его создателя...

Хорст заелозил, пытаясь удобнее улечься на жестких камнях.

– Так что, ты считаешь...

– Я думаю, – не дал ему закончить шут, – что планы мага не всегда в состоянии постигнуть даже другой маг. Чего уж говорить о нас?

– Так что, Витальф Вестаронский хотел, чтобы меня похитили эти карлики? – Хорст мотнул головой в сторону костра.

– Наверняка.

Хорст замолчал, пытаясь осознать замысел Тихого Мага. Предположительно тот дал посыльному невыполнимое задание – ведь по указанному адресу в Эрнитоне не оказалось никого, – а затем подставил его под мечи Чистой Лиги и топоры холиастов. Но зачем? Чтобы понаблюдать за тем, как бывший сапожник справится с ситуацией? Но ведь Витальф не мог за ним следить? Или мог? Через защитный амулет?

Хорст ощутил, что от догадок его голова пухнет, как наливающийся гноем прыщ.

Упавший на лицо свет факела заставил его испуганно вздрогнуть и открыть глаза. Опустившийся на корточки холиаст развязывал Авти руки, другой держал стопку глиняных мисок, третий – большой котел, над которым поднимался пар.

Еще у двоих в руках были готовые к стрельбе луки.

– Эда, – пояснил один из горцев, поймав недоумевающий взгляд Хорста, – эст надо... много эст, чтобы горы ыдты!

Хорст ощутил исходящий от котла запах варева, и желудок его взвыл, как волк, угодивший в яму с кольями. Когда получил миску, полную горячей еды, то едва удержал ее в руках.

Под настороженными взглядами холиастов пленники чавкали и давились. Потом их вновь связали, но оставили рядом воина с зажженным факелом. Сытых явно опасались больше, чем голодных.

Но Хорсту свет не мешал. Почувствовав в животе теплую тяжесть, он мгновенно провалился в сон.

Ветер налетал порывами, швырял в лицо мелкие ледяные кристаллики. Лето осталось на севере, далеко внизу, где зеленели деревья и ласково припекало солнышко. Здесь же, среди припорошенных белым снегом скал, было морозно, словно зимой, а ставшее белым светило только резало глаза.

Хорст, кутаясь в остатки одежды, понуро брел в чередке пленников. Сбитые ноги передвигались с трудом, в натертых веревками руках пульсировала боль. Развязывали их только во время кормежки, один раз в день.

Спали, тесно прижавшись друг к другу, но все равно было холодно. Один из пленников начал кашлять, в слюне его появилась кровь. После того как он начал отставать, холиасты на мгновение остановили караван. Взмах топора, и на снегу остался труп. На холод жители гор не обращали внимания, похоже, они его вообще не чувствовали. Наряженные в мохнатые безрукавки из шерсти фронов, холиасты уверенно шагали по узкой каменистой тропе.

Хорст брел, опустив глаза, но когда вокруг потемнело, невольно поднял голову. Отряд вступил в расселину между сходящимися скалами. Наверху виднелась лишь узкая полоска пронзительно-голубого неба.

– Перевал, – прохрипел идущий сзади Авти, – опасное место...

Уточнять, чем именно оно опасно, Хорст не стал – сил на разговоры не оставалось. И так было ясно, что в этой расселине сотня воинов сможет задержать огромное войско и что горы защищают нелюдей лучше, чем крепостные стены.

Когда в вышине родился тяжелый рокот, Хорст вновь поднял голову. Небо меж скалами затягивала снежная дымка, звук нарастал. Горцы смотрели вверх, в красных глазах читалась тревога.

– Быстрээ! – зло рывкнул один из холиастов. – Бэ-гом! Кто отстанэт – умрэт!

Хорст не думал, что у него хватит сил бежать. Грудь ходила ходуном, ребра грозили прорвать кожу, а рот жадно заглатывал ледяной воздух. Но он бежал, несясь вместе с остальными.

И они успели. Масса снега и камней с тяжким грохотом рухнула, перегородив расселину, но случилось это за спинами людей и холиастов. Земля под ногами вздрогнула, Хорст не удержался и упал.

Рядом валились на снег обессилевшие пленники.

– Лавина, – сказал Авти, отдышавшись, – вот как это называется... В молодости я один раз тоже чуть не попал под такую...

«Интересно, где?» – хотел спросить Хорст, но передумал. Было ясно, что шут не ответит.

Над горами висел плотный, как дерюга, и такой же серый туман. Камни блестели от капелек воды, а скалы прятались в мареве, точно великаны, скрывающиеся в засаде.

Туман давил звуки и запахи, и лишь когда из него выступили очертания серого скособоченного дома, сложенного из камней, Хорст ощутил резкий запах дыма.

Вслед за первым строением появилось второе, третье. Стало ясно, что караван вступил в селение.

С громким лаем навстречу выскочили здоровенные мохнатые псы. Белоснежные клыки сияли, черная, рыжая и белая шерсть на загривках стояла дыбом. Холиасты отгоняли их пинками.

– Похоже, что тут решится наша судьба, – сказал один из пленников, бывший охранник в купеческом обозе, – продадут, как скотину...

Здесь оказалось немало домов, сооруженных из грубо обтесанных камней. Постройки ставили тесно, на любом ровном участке. Между ними оставались узкие проходы. По селению расхаживали жители – мужчины в тех же безрукавках, женщины – в цветастых платьях и платках. На многих красовались браслеты и цепочки из золота и серебра.

На пленников смотрели без особого интереса, вернувшихся из похода воинов встречали улыбками и радостными возгласами.

– Занятно, сколько стоит человек? – со странной интонацией поинтересовался Авти. – А вдруг я смогу выкупить себя?

Хорст молчал и затравленно озирался. Ему было все равно, во сколько его оценят и кому продадут, лишь бы поскорее закончилось это изнурительное путешествие.

Один из псов прорвался-таки к пленникам и попробовал впиться в лодыжку Авти. Тот ловко ударил его в лоб связанными руками, а затем так пнул в бок, что у собаки хрустнули ребра.

Скуля, псина заковыляла прочь.

– Смэльчак, хот ы старыы, – сказал тот самый пепельноволосый холиаст, которого Хорст увидел первым, – продадим дорожэ!

Через полсотни шагов дома раздались в стороны, открыв круглую площадь. По краям ее громоздились постройки, которые казались более высокими, чем остальные. На самой площади имелось что-то вроде лотков.

– До вэчэра сыдэт здэс, – велел старший из холиастов, усаживая пленников около невысокого дощатого помоста, – вэчэр мужчыны прыходьт с пастбыщ, покупать вас...

Оставив людей под надзором нескольких воинов, прочие начали развешивать фронов. Добычу, захваченную при нападении на обоз, похоже, предполагалось тоже продать.

Хорст сидел, равнодушно опустив голову: он не испытывал желания глядеть на то, как копаются в чужих мешках. От вялой дремы очнулся, когда ушей коснулись полные гнева и возмущения крики.

Несколько холиастов, вытаращив глаза, орали друг на друга и потрясали предметами, в которых Хорст с удивлением узнал инструменты шутовского ремесла, принадлежащие Авти.

Кончилась перебранка тем, что спорившие направились к пленникам.

– Чьэ? – спросил один, поднимая вытянутую дудку.

– Моэ, – издевательски пародируя акцент, отозвался Авти. Даже плен, голод и тяготы пути через горы не отбили у него желания шутить.

– Ыдэш с намы. – Один из холиастов вытянул длинную руку и рывком поднял Авти на ноги.

– Эй, куда? – возразил тот. – Без ученика не пойду!

Горцы переглянулись. Судя по озадаченным лицам, они не очень поняли возражений пленника, но что-то мешало им применить для убеждения кулаки. Какая-то странная неуверенность сквозила в алых, как кровь, глазах.

Последовал диалог, стремительный, точно полет стрижа. Наконец один из горцев заспешил в ту сторону, где расположился старший отряда налетчиков – тот самый пепельноволосый холиаст.

Вернулись вдвоем. При виде дудки глаза предводителя вылезли на лоб, а в низком голосе возникла истеричность.

– Нэ боыся, тэбэ не прычынят врэда! – сказал он, растягивая губы в подобии дружелюбной улыбки.

– Без ученика не пойду! – продолжал упрямиться Щут.

– Кто это?

– Он! – Палец шута уперся в Хорста.

– Ыдытэ вдвоэм, – тяжело вздохнул старший.

Авти и его «ученика» повели прочь от площади. Впереди вышагивал предводитель, по сторонам топали сапожищами двое охранников, еще один сопел за спиной. Горец, замыкавший группу, тащил вещи отобранных (только для чего?) пленников.

– Куда нас ведут, во имя Владыки-Порядка? – улучив момент, тихо спросил Хорст.

– Вот и мне интересно, – отозвался шут, – ничего, скоро узнаем...

Путь их закончился около неказистого строения, которое выглядело так, словно когда-то давно на него свалилось с неба что-то тяжелое. Крыша выдержала, а стены выпучились в стороны. По сравнению с высокими домами, сооружение выглядело странно приземистым, из раскрытой двери тянуло сладкой приторной вонью.

– Святилище никак, – потянув носом, уверенно заявил Авти.

Внутри оказалось темно, но, когда глаза привыкли, Хорст обнаружил, что вдоль стен расставлены многочисленные статуи. Одни изображали людей со звериными головами, другие – жутких чудовищ, третьи – нечто бесформенное.

– Местные боги, – прошептал Авти.

Хорст ощутил отвращение. Если бы не связанные руки, то непременно осенил бы себя знаком Куба. Ему было непонятно, как могут горцы, так похожие на людей, поклоняться идолам и отвергать истинную веру?

Пленников остановили в самом центре святилища, в тишине громко разносилось сопение холиастов. Предводитель их удалился куда-то в темноту, за большой алтарь, похожий на каменный гроб.

Из мрака донесся скрип открываемой двери, голоса. Зашлепали по каменному полу шаги. Замерцало смутное багровое сияние. Из какого-то закутка вышел холиаст с факелом в руке. Седые волосы его падали на плечи, лицо покрывали морщины, а глаза казались двумя рубинами.

Пепельноволосый следовал за ним, почтительно отстав на полшага.

В свете факела стало видно, что темный камень алтаря весь испятнан потеками застывшей крови, вокруг него валялись кости. Хорст разглядел человеческий череп и с трудом отогнал тошноту.

Седой, явно местный служитель, внимательно осмотрел дудку, а потом и другие предметы из мешка Авти.

– Ты шут? – спросил он, подняв взгляд.

– Да, – ответил Авти.

– Ёзвыны этих воинов, – старый холиаст склонил голову, – оны прычынылы тэбэ врэд нэволно... ы твоэму учэныку...

Служитель поглядел на Хорста и замер, словно не веря своим глазам. Стало вдруг очень тихо. Холиасты оцепенели, Хорст недовольно поморщился, пытаясь осознать причину столь пристального внимания.

Авти негромко хмыкнул.

Служитель сделал шаг, Хорст попытался отшатнуться, но уперся в стражников. Морщинистая, с набухшими прожилками вен рука потянулась к его шее, очень осторожно дернула за цепочку.

Знак в виде рысей головы, о котором бывший сапожник благополучно забыл, был извлечен на свет. По серебристой поверхности забежали багровые блики.

Старый горец отпустил цепочку и повернулся к пепельново-волосому, оба затараторили с невероятной скоростью.

– Что происходит? – спросил Хорст. Он ощутил, что ему жарко, на висках выступили капли пота.

– Не знаю, – Авти напряженно вслушивался в разговор, – но одно слово, которое долдонит вон тот седой, мне известно. И означает оно – «долина».

– Какая долина?

Но ответить шут не успел. Разговор между служителем и предводителем воинов закончился, первый резко повернулся и зашагал туда, откуда явился, второй разразился серией лающих команд.

Хорста и Авти вывели на улицу.

Из сизых облаков, ползущих совсем низко над головами, принялся накрапывать дождь, стало сыро и неудобно.

Хорст облегченно вздохнул, когда понял, что их ведут вовсе не к площади, где остались мокнуть товарищи по несчастью. Но радость его быстро поблекла, когда выяснилось, что целью горцев является пристройка при одном из каменных домов. Загрохотал тяжелый замок, дверь со скрипом поползла в сторону.

– Ёзвынаэмся за нэудобства, – сказал пепельново-лосый, – но вы должны быт тут до завтра...

Хорст неожиданно обнаружил, что не научился удивляться.

Пленникам развязали руки, после чего дверь захлопнулась.

– Ага, там часовые, – сообщил Авти, прикинув глазом к щели около входа, – как и следовало ожидать...

– А чего это они вдруг стали такие вежливые? – Хорст осмотрел новое обиталище. Раз-мерами оно не превышало лошадиного стойла, земляной пол усыпала сладко пахнущая солома, а в одном из углов грудой валялись старые тряпки.

На место для содержания пленников это походило мало.

– Шутов почитают везде, – ответил Авти, с хрустом разминая запястья, – даже тут. А вот почему – не спрашивай, я тебе не отвечу.

– А что за долина такая? – вспомнил Хорст, усаживаясь у одной из стен. Несмотря на все неудобства, в маленькой «темнице» было сухо.

– Не долина, а Долина. Это центр мира для горцев, – Авти притулился рядом. – Святое место, ну как для людей Эрнитон.

– И там живет их главный служитель этих, – Хорст скорчил страшную рожу, – идиолов?

– Кто знает, может, и живет, – шут пожал плечами, – и я бы не советовал тебе столь откровенно демонстрировать неуважение к местным богам. От тебя еще в святилище прямо-таки пахло отвращением...

– Это всего лишь статуи, клянусь Владыкой-Порядком!

– Я бы не стал этого утверждать, – Авти улыбнулся, – между Хаосом и Порядком найдется место для многого, в том числе и для могучих существ, обладающих силой и властью. Ты меня понял?

– Да, – Хорст сдержал рвущиеся с языка возражения. – А что нам теперь делать?

– Ждать, – Авти зевнул и прикрыл глаза, – что-то подсказывает мне, что судьба наша решится не в этом каменном сарае.

Вскоре он захрапел. Хорст некоторое время сидел неподвижно, вслушиваясь в монотонное журчание дождя за стеной, потом глаза начали слипаться. Сам не заметил, как уснул.

Вчерашний туман исчез, точно его и не было, и забрал с собой облака. Небо выглядело чистым, словно его Долго и упорно оттирали, солнце казалось шаром расплавленного золота.

– Похоже, что нас снова ждет путешествие, – вздохнул Хорст, глядя, как к ним подводят оседланных фронов, – ладно хоть не пешком...

– Тебе бы только поворчать! – поддразнил Авти. – Радуйся, что увидишь место, где люди если и бывали, то лишь в качестве жертв!

– А кто сказал, что и мы не в том же качестве? – Хорст неловко забрался в седло. – Вежливость ничего не значит. Вдруг мы особенно ценные жертвы?

Небольшой отряд, состоящий из полудюжины всадников, сдвинулся с места. Холиасты не связали пленникам руки, лишь поместили их в серединку, между своими фронами. Побега они вполне обоснованно не опасались. Даже если бы пленник ухитрился сбежать, куда ему после этого деваться? Без снаряжения и припасов, не зная дорог, он вряд ли бы сумел перейти через перевалы. Горные кони спокойно топали по тропе, изредка пофыркивая и прядая ушами. Авти дремал, лишь изредка вскидывая голову. Хорст глазел по сторонам.

От лесистых равнин между горами и морем эти места по прямой отстояли не дальше, чем на сорок ходов, но ощущение складывалось такое, что бывший сапожник попал в другой мир.

В стороны простирались дикие хребты, белизной сверкали вершины. Прозрачный воздух позволял видеть все отчетливо, вплоть до последнего ущелья. С этой стороны горы не выглядели столь дикими и безжизненными, как на северных склонах. Зеленели пастбища, по которым, словно спустившиеся на землю облака, бродили стада фронов и овец, ниже шелестели лиственной буковые леса.

На юге, за невысокой грядой, виднелось обширное зеленое пятно, в центре которого что-то сверкало.

– Долина, – сказал один из охранников-горцев, перехватив взгляд Хорста, – сватое мэсто!

Хорст кивнул и на всякий случай отвел взор. Кто знает, может, глазам людей запретно созерцать подобную “святость”?

Этот перевал оказался не чета тому, который прошли десять дней назад. Он был куда ниже и шире, и хотя под копытами осторожно ступающих фронов скрипели и пошатывались камни, Хорст чувствовал себя довольно неплохо. В этот раз он не мерз, ноги не болели от ссадин, а руки от веревок.

На ночевки они теперь останавливались в селениях, которые попадались так же часто, как муравьиные кучи в лесу. Везде путников встречали радушно, кормили и поили до отвала.

Хорст пристрастился к острому сыру из овечьего молока, а Авти – к кислому хмельному напитку, похожему на белое пиво. Пару раз шут ухитрился напиться до поросычьего визга, так что холиасты со смехом оттаскивали его в очередной сарай, предназначенный для пленников.

Когда Авти не надирался, то жутко кричал по ночам. В первый раз всполошилась охрана, и Хорсту пришлось долго объяснять непонятливым горцам, что ничего страшного не происходит, что его спутник не помирает, а его просто мучают страшные сны. Мол, поорет и успокоится...

Очередной приступ случился сегодня, так что шут покачивался в седле мрачный, словно ворона, у которой из-под носа стащили кусок падали. Ветер трепал седые патлы, в светлых глазах застыла муть.

Из-под ног идущего впереди фрона сорвался камушек, со стуком заскакал вниз, туда, откуда явились путники. На лицах холиастов, как по команде, возникло выражение тревожного ожидания. Лишь когда стук затих и погасло эхо, они расслабились.

– Осыпи бояться, – пояснил Авти, – тут запросто может обрушиться лавина из камней.

Хорст лишь пожал плечами.

Пройдя еще несколько шагов, они достигли вершины перевала. Дальше начинался спуск в раскинувшуюся посреди гор просторную ложбину. Ее восточную часть занимала Долина. Отсюда она хорошо просматривалась. Блеск, так поразивший Хорста в первый раз, исходил от поверхности озера, круглого, будто монета.

С высоты можно было различить растущие вокруг него деревья. Среди зелени высились какие-то здания.

Хорст перевел взгляд направо и невольно обомлел. В первый момент ему показалось, что это лишь игра света и тени, и он отчаянно затряс головой. Но это не помогло.

– То, что ты видишь, существует на самом деле, – тихо промолвил Авти с необычным для себя благоговением.

С такого расстояния трудно было оценить истинные размеры, но Хорст видел, что громадная, лежащая на земле фигура простирается больше чем на несколько ходов. Холмами выглядели исполинские груди, крепостными валами тянулись руки и ноги, заросли кустарника прикрывали низ живота.

Обращенное к небу лицо выглядело спокойным и умиротворенным, в провалах глазниц, несмотря на ярко светящее солнце, колыхалась тьма.

– Что это? – спросил Хорст шепотом. Говорить громко сейчас ему показалось святотатством.

– Мать-Земля, – откликнулся шут, – я слышал о ней, но думал, что это сказка...

– Нэ сказка, чэловэк, – сказал один из холиастов каркающим голосом. – Это правда! Наши прэдкы возвэлы из болээ шэсты вэков назад! Она долгыэ годы защыщала наши края от набэггов! Дажэ само врэма устыдылос ээ вэлыколэпыа и нэ тронуло Мат!

Если бы Хорст услышал такое в другом месте, он бы ни за что не поверил. Сложенная из земли фигура, не оплывшая и не рассыпавшаяся за шестьсот лет? Это даже не сказка, это байка!

Но от изображения Матери веяло грозной, древней силой, исполинским могуществом, и впору было поверить, что она покоится на этом месте не века, а тысячелетия, с самого Творения!

– Поэхалы, – предводитель горцев ткнул фрона пятками в бока, – на нээ можно смотрэт вэчно, но нам надо двыгатса.

Из кустов вылетела крохотная, окрашенная в желто-зеленый цвет птица, и, негодуяще вереща, зависла на одном месте. Крылья ее трепетали так, что расплывались в смазанное пятно.

– Крохобар нас встречаэт! – усмехнулся один из горцев. – Добрыы знак!

С самого полудня копыта фронов топтали мягкую шелковистую траву. Попадались островки кустарника, журчали многочисленные ручьи и речушки. Впереди темнела далекая пока опушка леса.

Здесь, в преддверии Долины, горы нависали со всех сторон. Ощущение было такое, словно они ехали по дну громадной чаши. Сейчас, когда солнце укатилось за хребты на западе, чаша выглядела черной, а края ее – обгрызенными и надколотыми от длительного использования.

– Становые! – зычно выкрикнул предводитель холиастов, когда отряд достиг крошечного озера размером с городскую площадь.

– Мы не поедем дальше? – удивился Авти. – Ведь еще светло!

– В Святое мѣсто положѣно вступат на рассвѣтѣ! – пояснил горец, слезая с фрона. – Ноч будѣм мольтса богам и готовытса!

– Похоже, поспать нам сегодня не дадут, – пробурчал Хорст, покидая седло, – а жаль. Я с твоими воплями уж какую ночь не сплю.

– Можешь спокойно ложиться, – шут соорбил скорбную мину, – сегодня я пробормочу Владыке-Порядку всю ту тягомотину, которую ты обычно вешаешь ему на уши. Думаю, он не будет в обиде!

Хорст покачал головой и принялся расседывать фрона.

Глава 5. Сердце гор.

Мир вокруг казался ненастоящим, нарисованным. Листья и трава сверкали, как изумруды, там и сям виднелись цветки, красные, желтые, белые, всех форм и размеров. Увенчанные широкими кронами колонны серых и коричневых стволов вздымались к небу на многие десятки раз махов.

Рядом с этими великанами столетняя сосна выглядела бы карликом.

Хорст не узнавал ни единого растения. Тут не росло знакомых человеку трав, кустов и деревьев, все было непривычным, куда более красивым и ярким, пышущим жизнью.

Не боясь людей и холиастов, порхали птицы, похожие на ожившие куски пламени, со всех сторон доносились переливчатые трели. Какие-то твари шуршали в кустах, но на глаза не показывались.

На лицах горцев застыло благоговение, даже Авти ехал необычно тихий и молчаливый. Хорст чувствовал, что попал в сказку. Невольно вспомнился день, когда отец впервые взял его с собой за город. И поездка-то была недалекой, в ближнюю деревню. Но мир тогда выглядел таким же ярким, а деревья шумели листвой где-то вверху и были огромными, точно великаны. Хорсту хотелось одновременно смеяться и плакать.

Когда деревья расступились, обнажив серебристо-голубую гладь, он не сдержал восхищенного возгласа. Центральное озеро Долины было не меньше крупного города, а его ровные берега, спускавшиеся к воде, образовывали правильный круг. Прибрежный песок золотился на солнце.

– Слэза Нэба! – пророкотал один из холиастов. – Когда-то она упала на Зэмлу, и появилась Долина!

В другой раз легенда диких горцев изрядно бы повеселила Хорста, но только не сейчас.

– Я исходил весь Полуостров от Стены до мыса Стели и от Линорана до Ил-Бурзума, но такой красоты не видел, – выдохнул Авти.

– Ты бывал в Линоране? – заинтересовался Хорст. – Когда? Может, я тебя видел?

– Лет пять или шесть назад, – ответил шут, – точно не помню. Наверняка ты видел меня, я не один день выступал на ярмарке.

– Почему же тогда не запомнил?

– Люди редко смотрят паяцам в лицо.

Дальше ехали в молчании. Несмотря на ветерок, поверхность Слезы Неба оставалась гладкой, словно в озере была не вода, а масло. В глубине скользили какие-то тени, но ни единого всплеска не нарушало поверхность.

– Почему люди ничего не знают об этом месте?... – Хорст осмелился заговорить, лишь когда озеро скрылось за деревьями.

– Ты видел статую? – спросил шут. – Ее возвели не просто так, а чтобы защититься от врагов. От нас. Сотни лет назад предки этих бравых молодцев не очень умели воевать и пришедшие на Полуостров люди стали для них настоящим кошмаром!

– И чем помогла им Мать-Земля?

– Не знаю, уж как холиасты это сделали, – Авти чуть прищипорил фрона и догнал «ученика», оказавшись с ним стремя в стремя, – но горы были закрыты для всех, ограждены магической стеной! Пять сотен лет никто не мог заглянуть за перевалы, узнать, что тут творится. А едва магия рухнула, сами люди стали для красноглазых овцами, которых нужно стричь. Если наши соплеменники и попадали сюда, то лишь как рабы или жертвы. Судя по отсутствию рассказов, сбежать не сумел никто.

– Это что, мы будем первыми, кто отсюда выберется? – Хорст хмыкнул.

– Погоди гордиться, – покачал головой Авти, – сначала выберись...

Ехали беспрерывно до самого вечера, но голода не чувствовали. Напоенный сладкими запахами воздух казался лучшим яством, а усталости в Долине они не ощущали.

Путь закончился у сложенной из обтесанных камней пирамиды. Ее серые стены блестели на солнце, а вход казался темной беззубой пастью. Колоссальное сооружение подобно стражникам окружали исполинские деревья с желтыми, как мед, стволами.

– Какая громадина, – прошептал Хорст, задирая голову, чтобы разглядеть срезанную верхушку.

– Главное святилище, – сообщил Авти, – интересно, нас сразу принесут в жертву или сначала покормят? А-то я чего-то есть хочу и выпить не прочь...

Любой страх, если жить с ним долго, притупляется. Вот и мысль о том, что им предстоит оказаться на алтаре в качестве дара богам, после стольких дней не вызвала у пленников особых эмоций.

Из пирамиды навстречу прибывшим вышел низкорослый холиаст в алых одеждах. Горцы и так значительно уступают в росте людям, а этот даже среди своих выглядел карликом.

После короткого разговора между предводителем охранников и горцем в красном пленникам велели спешиться и, когда те слезли с фронов, повели куда-то за пирамиду.

– Ох, не нравится мне это! – пробормотал Хорст, обнаружив, что их ждет очередная темница – низкое угрюмое здание без окон и с такой узкой входной дверью, что в нее удалось бы протиснуться только боком.

– Старэышына увыдыт вас завтра, готовтэс к встрэчэ с ним, – сказал старший холиаст, и дверь с лязгом захлопнулась, оставив пленников в темноте.

– Эта подготовка включает пост? – сердито пробурчал Хорст, для пробы саданув в стену кулаком. – Ох, как мне надоел этот плен!

– А чем тут плохо? – судя по шуршанию, Авти сгребал в кучу солому, намереваясь устроиться поудобнее. – Тихо, спокойно, и не воняет почти...

– Я хочу на свободу!

– Э! – Шут пренебрежительно хмыкнул. – Вот рвешься ты к этой самой свободе, а знаешь ли ты вообще, что это такое?

– Ну. – Хорст задумался. Ему всегда представлялось, что свобода – вещь настолько очевидная, что разговаривать о ней нет никакого смысла. – Это... это когда ты ни от кого не зависишь и можешь делать то, что хочешь!

– Тогда твоя свобода недостижима, – Авти шумно почесался, – человек не может быть живым и ни от кого не зависеть. Даже князья, которые вроде никому не подчиняются, на самом деле зависимы – от редаров, от родни, от народа. Сам верховный служитель Порядка вынужден делать не то, что хочет, а то, что от него ждут.

– А если... – Хорст засопел, спешно подыскивая доводы против. Сдаваться так легко он не собирался, – поселиться в лесу! Добывать все самому, охотой...

– В этом случае, – тон Авти стал преувеличенно нудным, – ты вообще лишишься свободы, ибо только и будешь думать о том, как добыть пропитание и укрыться от непогоды!

– Так что, свободы нет? – Хорст сел, прижался спиной к прохладному камню стены.

– Почему? Она везде, стоит только поискать. В каждом ограничении, если задуматься, заложены бесконечные возможности свободы...

– Это как?

– Сейчас ты свободен в том, лежать тебе или стоять, петь песни или спать, – пояснил шут, – и последний вариант нравится мне больше всего! Чутье подсказывает, что завтра будет тяжелый день!

– Как обычно, в последнее время, – буркнул Хорст и тоже принялся укладываться. В животе бурчало, но еще со времен странствий в качестве бродячего сапожника уроженец Линорана привык засыпать голодным.

– Солнце красит белым цветом стены древнего кремля, – пробурчал Авти, – просыпается с рассветом вестаронская земля...

За бравадой шута очевидно крылся страх, и Хорст вполне понимал спутника. Сам он чувствовал себя неловко, вперив взор в темный провал в громадном теле каменной пирамиды.

Охранники-холиасты выглядели так напыщенно, словно каждого из них мучил сейчас запор.

Из чрева исполинского строения появился вчерашний горец в красном, приглашая, махнул рукой.

– Пошлы, – велел старший из охранников. Несмотря на яркое солнце снаружи, под каменными сводами ощущалась прохлада. Шаги глухо отдавались в узком коридоре. Стены его покрывал рисунок из переплетающихся разноцветных линий. При движении складывалось впечатление, что странный ковер из толстых нитей проплывает мимо.

Испещренная пятнышками света тьма распахнулась впереди. Исполинская полость занимала, судя по всему, всю пирамиду. В нишах чадно горели масляные лампы, вдоль стен рядами выстроились статуи, куда большие по размеру, чем те, которые пленники видели в горном селении.

То святилище по сравнению с этим выглядело жалкой конурой.

– Подоыдытэ. – Голос прозвучал от длинного и широкого, как стол на сотню человек, алтаря. Хорст видел там две фигуры, одна принадлежала их проводнику в багровых одеждах, а другая... излучала чуть заметное серебристое сияние!

Хорст сморгнул, решив, что ему показалось, потер глаза. Но сияние не исчезло. Словно отблеск лунного света на серебре, оно мягко переливалось в полумраке, ничего при этом не освещая.

Из ошеломления его вывел толчок в спину.

Хорст поспешно шагнул вперед.

Свет исходил от дряхлого холиаста в одеянии цвета ночного неба. На его шишковатом черепе почти не осталось волос, лицо обвисло складками, но глаза смотрели не по-стариковски пристально.

– Да, – прошамкал старик, покачав головой, – воистьну, знак богов!

Хорст облизал пересохшие губы. Не иначе, как старый пень радуется, что ему в руки попали столь ценные пленники, способные в качестве жертв порадовать языческих идолов...

– Спаси нас, Владыка-Порядок! – прошептал он. Древний служитель еще раз потряс головой, после чего обменялся несколькими фразами с подручным в красном. Тот кивнул и исчез во мраке. Когда вернулся, то в руках держал небольшой кувшин и кривой нож с лезвием из темного металла.

При виде ножа Хорст нервно вздрогнул, Авти издал сдавленное восклицание. На этот раз выдержка изменила и ему.

А старый холиаст невозмутимо закатал рукав, взял нож и полоснул себя по запястью. Полилась кровь, в полумраке казавшаяся черной и густой.

– Что он делает? Что он делает? – прошептал Хорст.

– Вопросает богов, – ответил кто-то из охранников. – Тыхо!

Левой рукой дряхлый служитель зачерпнул что-то из кувшина и втер в рану, потом еще раз. Кровь перестала течь, застыла коркой. Глаза старика закрылись, по телу пробежала судорога.

Сияние на мгновение померкло, а потом вспыхнуло ярче прежнего.

Постояв в неподвижности, старик открыл глаза и издал резкий каркающий звук. Хорст ощутил удар под колени, его дернули за руки и практически повалили на пол. Рядом брякнулся Авти, а вокруг – холиасты. На ногах остался только старик. Ковыляющей походкой он двинулся

в сторону плохо различимой в темноте статуи, остановился перед ней и заскрипел-завыл что-то монотонное.

Горцы распластались, уткнувшись лицами в пол, но Хорсту и Авти наблюдать за обрядом никто не мешал.

– Ого! – неожиданно выдохнул шут.

Статуя осветилась изнутри. Хорст ощутил, как на затылке встают дыбом волосы! Над сгорбленной фигуркой в темной одежде нависал громадный паук с человеческой головой! Из распахнутой пасти торчал язык длиной с добрый меч, а в угрожающе поднятых лапах виднелись округлые сосуды.

RRRR! – Мощный рокочущий звук раскатился по помещению, заставив эхо в углах затрепетать от ужаса, и – Хорст не поверил глазам – светящийся изнутри паук заговорил!

Его рот двигался, лапы покачивались в такт словам, которых почему-то не было слышно. Старый жрец внимательно слушал, время от времени кивая. Для него беседы с подобными созданиями были в порядке вещей.

– Мама... – пролепетал Хорст, ощущая, что очень хочет оказаться где-нибудь подальше отсюда.

В груди заledenело, кишки скрутило узлом, а челюсти решили, что самое время постучать друг о друга. С большим трудом Хорст удерживался от того, чтобы не закрыть глаза.

RRRR! – Рокот заставил вздрогнуть пирамиду, колыхнулось пламя в лампах. Сияние внутри чудовищного существа погасло, и паук замер.

Дряхлый служитель развернулся и зашагал к людям.

– Встантэ, – велел он, – Холд-Ырр-Бначк-Сэтл – Хозяин Тэнэт Мудросты изрэк свое слово!

Хорст поднялся, ощущая, как предательски дрожат ноги. Он не ждал от уродливого бога ничего хорошего. Разве такое страшилище может знать что-нибудь о милосердии? Велело выпустить из пленников кровь, не иначе...

– Мы просым ызвыныт нас, – прошамкал старик и опустил голову, – слышном давно в нашы горы нэ попадады подобныэ вам, так что нашы воыны не поналы, кто оказалса у них в руках.

Хорст застыл с выпученными глазами. Страх исчез, растворился в удивлении. Перед ними извинялись! Перед людьми, давними врагами! И кто – служитель главного святилища, чуть ли не местный саттеарх!

Такое можно было представить только во сне!

– Надэус, вы нэ дэржытэ на нас обыды, – продолжал вещать старик.

– Какая обида, братишка? – развязно пробормотал Авти. – Все нормально, клянусь трахнутым Хаосом!

– Хорошо, – древний холиаст кивнул, на лице его отразилось облегчение, – нашы воыны достават вас на ту сторону гор! Удачы вам и пуст ваши богы нэ отвэрнутса от вас!

Хорст молчал до самого выхода из пирамиды и, только когда они выбрались наружу, накинудся на Авти с вопросами:

– Что стряслось? Почему нас отпустили?

– Ты недоволен? – хмыкнул шут. – Предпочел бы героически умереть на жертвенном камне?

– Нет, но интересно же.

– Все просто. У тебя на шее болтается одна безделушка, которая говорит знающему, что ты не просто человек, а фишка на игровой доске магов!

– Какая фишка? – Хорст уже слышал что-то подобное от странного незнакомца на постоялом дворе.

– Самая маленькая, скорее всего. – Шут ухмыльнулся. – Холиасты не дураки и не испытывают никакого желания вмешиваться в игры магов. Вздумай они убить тебя или причинить какой-нибудь вред, магия ударит по ним, причем совершенно непредсказуемым образом.

Хорст мрачно засопел. Ощущать себя предметом, который кто-то двигает, было неприятно.

– Ну а ты что? – спросил он. – Тоже фишка в чьей-то игре? Почему тебя до сих пор не угрохали?

– Увы, этого я тебе сказать не могу. – Авти развел руками.

– Ох, вокруг меня в последнее время развелось слишком много тайн, – пробурчал Хорст и отвернулся.

По роскошной Долине фроны брели с тем же равнодушием, что и по горным тропам. Прямо из-под копыт, дурашливо вопя, вылетали похожие на громадных ос черно-желтые птицы, но даже это не сбивало горных коней с ровного шага.

Хорст покачивался в седле, клевал носом. Перед тем как отправить людей восвояси, их основательно накормили, так что в животе бурчало, а веки сами собой слипались.

Из-за деревьев показалось озеро. Хорст равнодушно смотрел, как оно проплывает мимо, и, только когда Глаз Неба остался позади, понял, что по пути к святилищу они проехали мимо южного берега, а сейчас миновали северный...

Неужели решили возвращаться другой дорогой?

Сонливость точно ветром сдуло. Хорст огляделся – солнце в окружении симпатичных кучевых облаков болталось над горными хребтами, и лучи его касались левой Щеки.

Небольшой отряд вполне определенно двигался на запад.

Но ведь Вестарон лежит на севере!

Хорст повернулся к Авти. Тот напевал что-то себе под нос и выглядел довольным жизнью, как медведь, дорвавшийся до малинника.

– Ты заметил, куда мы едем?

– Нет, а что? – шут прервал песню и осмотрелся.

– Нас везут не в ту сторону! Совсем не туда, откуда мы приперлись!

– Ну и что? – На бородатой физиономии отразилось некоторое недоумение. – Мне без разницы, каким перевалом нас вернут за горы. Везде жизнь, везде люди...

– А мне не все равно! – Хорст ткнул фрона в бока и догнал предводителя холиастов. – Послушайте, куда вы нас везете?

– К пэрэвалу Ал-Браыр, – прозвучал ответ, – У западного краа гор.

– Но мне надо на север, в Вестарон! – выкрикнул Хорст.

Горец воззрился на него с некоторым удивлением.

– Холд-Ырр-Бначк-Сэтл вэлэл отвэзты вас на запад.

– Зачем?

– Нэ знау, – холиаст равнодушно пожал плечами, – мнэ всэ равно. Но мы выполним эго волю, даже эслы нам прыдэтса вас свазат!

Намек был более чем откровенным. Понуриив голову, Хорст замедлил ход своего скакуна и вскоре поравнялся с Авти.

– Не напрягайся, – посоветовал тот, – рано или поздно доберешься ты до Вестарона.

– Лучше бы раньше, – вздохнул Хорст. – И чего только этот бог решил, что так будет лучше?

Солнце неторопливо двигалось по небу, и так же неспешно перебирали ногами фроны. Когда впереди показался странной формы холм, Хорст не сразу догадался, что это статуя Матери-Земли.

Холиасты свернули влево, собираясь объехать исполинскую скульптуру по широкой дуге. Отсюда, с близкого расстояния, она смотрелась не менее величественно, взгляд не мог охватить всю фигуру целиком, отмечая только детали – нос размером с крепостную башню, округлое плечо, тянущуюся почти на ход руку, валы-пальцы.

Когда ветер подул со стороны статуи, Хорст на мгновение ощутил сильный аромат сырой земли. Такой запах царит над миром весной, когда сходит снег и пропитанная водой почва готова вскормить новую жизнь.

Сейчас был разгар лета.

Ехали вдоль скульптуры долго, и лишь когда солнце наполовину скрылось за стеной гор на западе, Мать-Земля осталась позади. Хорст в последний раз обернулся – из полутьмы выступали колоссальные ступни, торчащие подобно двум фрагментам крепостной стены.

Тот, кто задумал и соорудил подобное, был либо гением, либо безумцем.

Или магом.

Проснулся Хорст от истошных криков. Совместное путешествие с Авти, которого время от времени мучили «ночные кошмары», приучило уроженца Линорана спать даже под громкие звуки, но шум, который подняли холиасты, разбудил бы и мертвого.

Они вопили, точно перепуганные птицы, и суетились вокруг лежащего Авти.

– Владыка-Порядок, у него опять приступ? – пробормотал Хорст, приподнимаясь. – Ну а эти-то чего? Первый раз, что ли, слышат?

– Ааааа!

Дикий вопль заставил Хорста испуганно подпрыгнуть. Если раньше шут орал, то сейчас он просто разрывался от крика. Трудно было поверить, что такие звуки может издавать находящийся в здравом рассудке человек!

Горцы расступились перед Хорстом, он опустился на колени. Трепещущее пламя костра освещало лицо Авти, плотно сжатые губы и закрытые глаза. Видно было, как перекачивается кадык на тощей морщинистой шее.

Лицо шута покрывали крупные, величиной с ноготь, фурункулы, которых не было еще вечером. Они вспухли на коже подобно язвам. Один из них лопнул, из него потек белесый гной.

Хорст ощутил рвотный позыв.

– Что с ним? – встревоженно спросил один из горцев. – Болээт?

– Не знаю, – отозвался Хорст, – сейчас спрошу... Дайте воды!

– Аааа!

Новый крик захлебнулся в клокочущем всхлипе, когда Хорст выплеснул в лицо шуту половину котелка. Авти вздрогнул, застонал и открыл глаза.

– Что? Где? Отчего так болит? – Губы его тряслись, и слова, которые он произносил, получались невнятными.

– Что с тобой? Ты весь в чирьях!

– Да? – Авти поднял руку, осторожно коснулся одного из вздутий. – Вот оно что, трахнутый Хаос достал-таки меня...

– Это что, болезнь?

– Нет, нет, – Авти слабо улыбнулся, – не бойтесь, это не заразно... Это пройдет через несколько дней...

– Точно? – забеспокоился старший холиаст. – Ты точно знаэш?

– Да, это у меня не в первый раз.

– Что с тобой творится? – спросил Хорст, когда горцы отошли. – Мне-то ты можешь сказать?

– Это плата, – буркнул Авти, морщась, – за то, что я слишком давно не занимался своим ремеслом... Моя судьба — причинять боль другим и себе, и если я не могу делать это сам, меня вынуждают. Вот таким вот образом.

– Но почему? Кто это делает?

– Считай это проклятием. – На щеке шута брызнул гноем еще один фурункул. – Его на меня наслал один очень-очень добрый маг.

Костер горел ярко и жарко, а холиасты все подкидывали в него хворост. Повешенный над пламенем котелок потихоньку булькал, от него распространялся запах столь любимой горцами каши из бурых зерен, которые назывались троки. Когда-то Хорст находил его неприятным, а теперь привык.

– Так они весь лес спалят, – недовольно пробормотал Авти, с кряхтением отодвигаясь. Сидеть возле пламени было слишком жарко.

– Не спалят, все сырое, во имя Владыки-Порядка, – возразил Хорст.

Днем прошел настоящий ливень, и до сих пор с листьев капала вода, а между деревьями стелилась промозглая дымка.

Лежащая в центре гор ложбина, восточную часть которой занимала Долина, протянулась больше чем на сотню ходов, и, чтобы добраться до перевала Ал-Браир, путникам предстояло пересечь ее из конца в конец.

Путешествие длилось не первый день и по монотонности могло сравниться разве что со вскапыванием огорода. Травянистые равнины с пасущимися стадами сменялись негустыми лесами, поселения холиастов из нескольких десятков домов – каменистыми пустошами.

За те дни, которые ему довелось провести тут, Хорст узнал о горцах больше, чем за всю предыдущую жизнь. Скрепя сердце, он признал, что за пределами естественной крепостной стены из гор о них судили только по слухам. Бывший сапожник выучил некоторые, самые простые слова, привык к пище холиастов, научился получать удовольствие от протяжных и грустных песен.

Былое, разбавленное страхом презрение к диким язычникам, не знающим веры Порядка, сменилось уважением, в которое Хорст сам не мог до конца поверить.

Фурункулы и дикие боли по всему телу мучили Авти вот уже пятый день, но тот вел себя как обычно, да и сил у него, судя по всему, не убавлялось.

– Готово, – холиаст, исполняющий обязанности повара, попробовал варево и снял котелок с огня, – можно эст...

Хорст полез за ложкой.

После Долины горцы перестали относиться к шуту и его «ученику» как к пленникам. Их охраняли, не выпускали из поля зрения, но как почетных и в то же время опасных гостей, которых нужно вежливо и быстро выпроводить.

На некоторое время разговоры стихли, слышался только стук ложек о стенку котелка.

– А ничего, – сказал Авти, не сдержав сытой отрыжки, – пожрали, теперь можно дрыхнуть...

Хорст лежал, уставившись в небо, где среди облаков одна за другой зажигались звезды, и вдруг сердце посетило странное желание: ему захотелось, чтобы это путешествие никогда не кончалось.

Что ждет его за горами, в мире людей? Рабская служба у мага? А если удастся ее избежать – полуголодное существование бродячего мастерового, исколотые иглой пальцы и застуженная поясница...

– Ты знаешь, – сказал Хорст, поворачиваясь к Авти. Тот, судя по отсутствию храпа, еще не спал, – иногда мне кажется, что все, случившееся со мной начиная с этой весны, – сон, невероятное видение... Еще зимой я ни о чем другом и не мечтал, кроме как накопить денег на собственную мастерскую! Не думал, что буду заниматься чем-то, кроме прохуdivшихся подметок и оторвавшихся завязок... А потом ушел из дома, попал к магу, оказался здесь... Даже не верится!

– Ты сам не представляешь, как тебе повезло. – Голос шута наполнила грусть. – Большинство людей обречены на рутину. Тебе же выпал шанс попутешествовать, узнать что-то новое, измениться... Пользуйся им!

– Но я не хотел меняться! – возразил Хорст. – Меня бы вполне устроила рутина в собственной мастерской внутри стен Линорана!

– Ты становишься другим, когда меньше всего этого ожидаешь, – Авти вздохнул. – Но что-то ведь заставило тебя уйти из дома?

– То место, откуда я сбежал, «домом» назвать было нельзя! – Хорст сам удивился той злости, которая вскипела в нем при воспоминании о полутемном подвале, в котором он провел последние восемь лет. – Там я спал в сыром чулане, а из заработанного получал монт в месяц! И это от родного дяди!

– Другой бы смирился, – примирительно сказал Авти.

– Да кто угодно взбунтовался бы! После того как родители умерли, в моей жизни остались только работа и издевательства!

– Совсем как у нас, шутов, – эти слова Авти произнес совершенно серьезно.

Хорст ощутил, что стыдится собственной вспышки. Захотелось поскорее сменить тему беседы.

– Кстати, а как ты стал фигляром? Помнится, ты говорил, что у шутов учеников не бывает...

– Увы, не могу тебе сказать, – в голосе Авти зазвучали извиняющиеся нотки.

– Вот так всегда, – пробормотал Хорст, – вечно у тебя тайны. Надоело это до ужаса!

– Ничего с этим не поделаешь. Я, видишь ли, скрываю многие вещи не из-за того, что я такой вредный, а ради твоей же безопасности! В сохранении тайны заинтересованы слишком многие, так что узнай кто о том, что ты стал к ней причастен, тебя просто убьют.

– Из-за какого-то секрета, касающегося паяцев? – не поверил Хорст.

– А ты не допускаешь, что у шутов могут иметься нешуточные тайны?

Хорст сознавал, что в болтовне он Авти не соперник, поэтому не стал выпытывать у него секрет. Если Болвану хочется выглядеть таинственно, то пусть себе тешится.

– Аррж! – Холиаст с топором в могучих ручищах появился на тропе внезапно, точно выпрыгнув из-под земли. Солнце сверкнуло на колечках мягко зазвеневшей кольчуги. Из-за камней по обеим сторонам от тропы появились лучники.

– Вот влипли, как судак в уху, – пробормотал Авти, оглядываясь. Путь назад тоже оказался отрезан. – Как бы эти парни нас не прирезали под горячую руку...

Хорст уже знал, что никакого единства среди холиастов не существует, и сотни родов красноглазого народа в свободное от набегов на людские земли время отчаянно враждуют друг с другом. Войны и кровная месть тянутся столетиями, передаваясь в наследство от поколения к поколению.

Старший из охранников, едущих с людьми от самой Долины, выехал вперед и что-то крикнул. На бородатом лице горца, перегородившего тропу, отразилось недоумение.

Он опустил топор и шагнул навстречу.

– Все зависит от того, чтят ли в этих краях того лысого типа в черном, – сказал шут, ковыряясь в ухе.

Горы, еще несколько дней назад лежавшие где-то в стороне, высившиеся вдалеке будто почетный эскорт, сегодня приблизились, подступили вплотную. Судя по всему, путники добрались до окончания ложбины, зажатой между двумя хребтами. За виднеющимися впереди вершинами лежали уже людские земли.

До пирамиды и ее дряхлого обитателя отсюда было очень далеко.

Но, судя по тому, как потекла беседа, его знали и здесь. Предводитель нападавших, лохматый и бородатый, больше слушал, лишь изредка кивая, потом внимательно изучил протянутый ему кусок пергамента с какими-то закорючками, похожими на птичьи следы.

– Пропускают, – с облегчением сказал Хорст, глядя, как лохматый машет и что-то орет своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.